

АННА СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Колесницы судьбы

Тайная
жизнь Вари
Кононовой

Анна и Сергей Литвиновы
Колесницы судьбы
Серия «Знаменитый
тандем российского
детектива. Новые страницы»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69444268
Колесницы судьбы: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-189591-4

Аннотация

Варя Кононова выходит в отставку со своей сверхсекретной службы. Теперь она с помощью сердечного друга Алексея Данилова, обладающего феноменальными способностями, ищет тех, кто когда-то погубил её родителей. К поискам подключаются полковник Петренко и «спящий» экстрасенс Иван Кольцов. Сначала дело кажется неразрешимым: все улики давно уничтожены, да и свидетелей уже не найти. Но потом оказывается, что враг совсем близко и он обладает чудовищной силой. Противостояние будет тяжелым – смогут ли Варя и ее друзья уцелеть?

В новом остросюжетном романе Анны и Сергея Литвиновых «Колесницы судьбы» возвращаются любимые герои –

сотрудница засекреченной спецслужбы Варвара Кононова и ее возлюбленный, экстрасенс Алексей Данилов. Варе придется заглянуть в прошлое, чтобы узнать много нового о себе и своей семье...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

94

Анна и Сергей Литвиновы

Колесницы судьбы

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Читайте романы мастеров закрученного сюжета Анны и Сергея ЛИТВИНОВЫХ:

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Боулинг-79
Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна
Мадонна без младенца
Семейное проклятие
Изгнание в рай
Над пропастью жизнь ярче
Главная партия для третьей скрипки
Мертвые не лгут
Девушка не нашего круга
Я все скажу

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вождения №1
Оскар за убийную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда
Три последних дня
Незримая связь
Джюльетта стреляет первой
Жемчужные тени
Вижу вас из облаков

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит
Одноклассники smerti
В Питере вернется не все

Небесный остров
Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом
Десять стрел для одной
Свадьбы не будет
#останься дома и стреляй!
Смерть за добрые дела

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания — многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы
Успеть изменить до рассвета
Завтра может не быть
Колесницы судьбы

Сериал «Римма и Паша Синичкин, частные детективы»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников
Почтовый голубь мертв
Грехи отцов отпускают дети
Брат ответит
Любить, бояться, убивать
Улыбка смерти на устах

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сериал «Высокие страсти»

Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто
Тебя убьют первым

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир
Карнавал насмерть
Продавец вечности

АННА и СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Колесницы судьбы

МОСКВА

Варя Кононова, весна и лето 2022 года

В госпитале Варя написала рапорт об отставке.

Полковник Петренко вышел из комы раньше ее и приступил к службе. Он, словно заботливый папочка, раз в неделю навещал Варю. В один из визитов она и подсунула ему рапорт. Он спросил:

– Долго думала?

– Долго.

– Данилов знает?

– А он тут при чем вообще?

– Чем дальше по жизни заниматься думаешь?

– Найду чем.

Она злилась на полковника и почти не скрывала этого.

Она не могла его простить.

Притом что всегда его любила.

Любовью платонической, почти дочерней.

Но тем горше обида.

Хотя расставаться с Петренко было грустно. Чтобы жалость не проникла в сердце, она мысленно распаляла себя: «Главное в нем то, что он – чекист. А значит, профессиональный провокатор. Он долго и умело скрывал свою личину – под маской заботливого, любящего начальника. Чуть не доброго дядюшки. А во время последнего задания расчехлился. Врал нам с Даниловым напраполюю. Шантажировал нас. Давил. И все для того, чтобы мы выполнили боевую задачу. Ему ничего не важно, ни наши чувства, ни наши жиз-

ни, — лишь бы мы осуществили операцию. Да, целью ее были счастье и благополучие страны. И он мечтал избавить нас от нынешнего неблагоприятного *сегодня*. Но зачем ради успеха дела врать? Обманывать самых близких людей (как полковник не раз утверждал): меня, Данилова? Неужели мы не пошли бы за ним без этого вранья?»

Петренко сидел рядом с ее койкой на стуле, посматривал исподлобья. Чувствовал переменившееся Варино отношение. Потом оставил на тумбочке три апельсина, по-старомодному принесенные в дипломате, вздохнул, бережно уложил в кейс листочек с рапортом и вышел из палаты.

Мобильный телефон или планшет ей до сих пор выдавали всего на час, под расписку, для связи с близкими — и никакого Интернета. Поэтому спустя три дня она позвонила полковнику по городскому, с поста старшей медсестры. Петренко буднично проговорил: «Рапорт твой подписали».

На следующей день Варю перевели в общий корпус, в двухместную палату, — проходить диспансеризацию, обязательную перед увольнением.

А однажды Петренко явился в госпиталь с огромным букетом цветом. Договорился, видимо, с начальником, и для них двоих открыли конференц-зал. Варя спросила зачем — полковник отшутился, а тем временем сноровисто достал из портфеля бутылку наилучшей водки, два граненых стакана (!) и нарезку колбасы. Накрыл с мужицкой грубой граци-

ей полированный стол для заседаний.

А потом зачитал два секретных приказа.

Первым из них капитану Кононовой Варваре Игоревне за проявленные мужество и героизм при выполнении особого задания присваивалось внеочередное звание майора. А во втором – она награждалась орденом Мужества.

Варя не могла сдержать слез.

А потом, когда они с полковником обмыли орден в стакане с водкой, Варя разнюнилась:

– Да разве я достойна таких наград!

– Варя, – строго сказал ей Петренко, – отставить слезы! Тебя ведь взаправду убивали тогда – в июле пятьдесят девятого, в даниловском «москвичонке», под городом Калининым. Ты заслужила.

Прошел месяц

Варю выписали в конце июня.

Она приехала к себе домой на Новослободскую на такси. Замок с трудом открылся – закоснел, заржавел за три года неиспользования.

В квартире оказалось полно пыли. Перед отбытием в прошлое она здесь прибралась. Но все равно что-то недосмотрела. Бросила, уезжая, недочитанную книжку у кровати. Не вымыла утреннюю чашку кофе – спешила! Не прибрала пижамку, кинутую на кресло. Все побурело от времени, на пальце, чего ни коснись, оставался лохматый след.

На потолке в кухне появились протечки – видать, кто-то из соседей их залил. На подоконнике остались следы высохшей лужицы – ветер с дождем некогда пробили оконное уплотнение, оставили свой отпечаток – пластиковые окна они с Даниловым поставить не удосужились.

Варя распахнула окно. Пусть не по-летнему холодно – но пускай скорей выдует из квартиры застоявшуюся затхлость. Бросилась в комнаты: раскрывать плотные гардины, растворять фрамуги.

И вдруг – звонок в дверь. Да не простой, а троекратный! Такой родной, привычный! Свой! Она бросилась к входной двери, не стала ни в глазок смотреть, ни переспрашивать кто – щелкнула замком, увидела на пороге Алексея и бросилась к нему в объятия. Покрыла поцелуями бесконечно родное лицо. Он приподнял ее, внес внутрь.

– Тише, Лешенька, тише, не геройствуй! Тебя после комы выписали!

Потом в постели она шептала ему:

– Небось привык ко мне молоденькой? Двухлетней?

– А ты? Помнишь в моей роли того юнца? Ответственного работника ЦК партии на красном «Москвиче»?¹

– Боже! Я так рада, что мы вернулись! Я на это и не надеялась!

---

¹ Об этом подробнее можно прочитать в предыдущих книгах Анны и Сергея Литвиновых из цикла «Агент секретной службы» – «Успеть изменить до рассвета» и «Завтра может не быть».

– И я очень рад видеть и чувствовать тебя прежнюю. Я так скучал по тебе, – с чувством проговорил он. – И знаешь что? Я тут понял одну вещь. И уверился в ней. Нам с тобой надо...

– ...срочно убраться в квартире? – лукаво закончила за него Варя.

– Нет. Хотя и это тоже... Но главное – нам надо пожениться.

* * *

Варя сладко потянулась.

Впервые за двадцать лет никуда не надо спешить утром.

Не думать мучительно, засыпая, о рабочих проблемах.

Не вздрагивать среди ночи от внезапных звонков – ведь по уставу службы она не должна была выключать свой служебный телефон НИКОГДА.

Жить спокойной, размеренной жизнью гражданского человека. В свои сорок (с небольшим хвостиком) получать неплохую (в сравнении со штатскими) военную пенсию.

Да-да, ей слегка за сорок.

Секретные агенты выходят на пенсию рано. Как балерины.

«Мамочка моя и до этого возраста не дожила. А я так и не выяснила, почему она погибла. Кто или *что* ее погубило. И не отомстила за нее. За нее и за отца.

Значит, то, чем я занималась двадцать лет, пошло пра-

хом? Я не добилаcь главного? Или мне еще повезет? Теперь, лишившись повседневных обязанностей и рутины, я смогу выйти на след тех, кто погубил родителей?»

Варя всегда знала: ту стародавнюю тему не бросит, не оставит.

Она будет искать, бороться и биться.

Чтобы понять и НЕ простить.

Понять, кто погубил папу и маму. И воздать им по заслугам.

Девушка вылезла из кровати. Было странно, что Данилов уходит на работу раньше ее. Во времена, что они жили вместе, он обыкновенно нежилcя в кровати, когда она тряслась в метро или мчалась на машине в штаб-квартиру *комиссии* на окраине столицы. Теперь он по утрам тихонько варил себе кофе и уезжал, покуда она спала.

Можно ли считать, что Данилов сделал ей предложение? Или *ляпнул* в порыве чувств после страстной любви и разлуки?

Больше он ее замуж не звал. Возможно, готовился сделать предложение в официальной обстановке, как положено: на коленях и с кольцом? Или думает замять его? Но это дудки: Варя гордиться не станет, сама напoмнит.

Теперь последний формальный барьер, мешающий их браку, пал. Она больше не сотрудник *комиссии*.

Комиссии, у которой Данилов находился в разработке и которая, как ни странно, некогда познакомила их: ее, два-

дцатидвухлетнего лейтенанта, и его – экстрасенса, испуганного вдруг проявившимся у него необыкновенным даром.

То, что они последние несколько лет жили вместе, порядком службы строго запрещалось. Но Петренко на непорядок смотрел сквозь пальцы. И если его дергал по этому поводу глава комиссии Козел Винторогий Марголин (а он наверняка дергал), полковник Варвару перед начальником отстаивал.

Но теперь Варя – больше *не их*. Она – ничья. Может распорядиться своими чувствами как заблагорассудится.

«Значит, я выйду за Данилова».

Варя накинула халатик и пошлепала на кухню.

В квартире они навели порядок сами, не доверяя никому. Вдвоем, переодевшись в старье и вооружившись арсеналом губок, тряпок, швабр и моющих средств, которые купили в гипермаркете, мыли, драили и проветривали три дня напролет.

Теперь на кухне царила чистота. А Алеша открылся ей с новой стороны: чистюля и аккуратист.

Наверное, он и раньше таким был – да только за ежедневным верчением на службе, когда то и дело приходилось *спасать мир*, она не замечала этого. А теперь могла посвятить себя Данилову целиком.

Варя сварила кофе.

«А еще у меня появилась возможность и время выполнить *предназначение каждого живого организма*. Фу, звучит

ужасно. Канцелярщина, как в *комиссии* отчет пишешь. Проще говоря, я ведь и родить теперь могу».

При мысли, что маленькое существо в какой-то момент поселится прямо в ней, под сердцем, а потом явится на свет и будет рядом: смешно чмокать, потягиваться и пускать пузыри, а потом расти, умнеть и хорошеть, – при одной этой мысли на душе становилось тепло и радостно.

«Малыш продолжит историю фамилии. И я оставлю в будущем ребенку частичку себя. И погибших мамы с папой. И бабушек. И Данилова...»

С Даниловым, конечно, сложно. И боязно. Вдруг сын или дочка станет *таким, как он?*

Алеша, конечно, прекрасен: умный, тонкий, красивый, интеллигентный. Но вдруг ребенок унаследует его талант? Или (как он сам всерьез считает) *изъян?*

Вдруг дети тоже станут экстрасенсами? Смогут читать мысли? Проричать будущее? Ведь это тяжелейший груз (Леша правильно говорит!): быть не таким, как все.

Люди со сверхталантом и необычным, искристым даром – они всегда (ей ли ни знать по роду службы!) становятся мишенями. К ним приковано самое пристальное внимание, притом далеко не благосклонное. Им требуются огромные силы, чтобы управлять своим талантом и смирять его.

А потом, получится ли? Не потому, что возраст. Теперь наука далеко продвинулась. Одно ЭКО чего стоит. Но было ведь в ее жизни такое – о чем никто не знает, даже Данилов.

(А вот Петренко ведаёт!) То, что, может, навсегда перечеркнуло ее способность завести потомство.

Не только в сугубо физиологическом, медицинском смысле, но и выше – в ментальном, духовном.

И как оно всё будет? Получится ли забеременеть?

Они всегда с Алешей предохранялись. Но случилось: раз, или два, или три любили друг дружку *без защиты*. Не очень точно просчитанные критические дни. Забытые в спешке таблетки. Не купленный вовремя презерватив.

И – ничего. Пока ничего.

Значит, она теперь, после того случая, *не может*?

Конечно, сейчас любая болезнь лечится. Есть ЭКО, суррогатное материнство...

Но как проверить, способна или нет? А главное – имеет ли право после всего, что было?

Во всяком случае, рассказать Данилову ту историю она не готова.

Несмотря на все, что они вместе пережили. Да и сможет ли когда-нибудь ему открыться? Надо ли?

Имеется, конечно, искушение, как в омут головой, взять и *попробовать*. А там, глядишь, судьба сама вырулит. Но лучше – для начала подумать, все взвесить.

Пока, если честно, ей и без наследников хорошо. Кофе по утрам с конфеткой, блаженное ничегонеделанье.

«В конце концов, у меня есть время и силы, чтобы построить новую, теперь цивилизованную и совершенно несекрет-

ную карьеру. До нормальной, не военной пенсии, почти двадцать лет».

За те два десятилетия, что она служила в КОМКОНе, Варя сделала о-го-го сколько. Столицу спасла от разрушения. И (без ложной скромности!) дважды – весь мир. В третий раз спасти его не удалось.

Теперь можно выбрать себе задачи скромнее. Сколотить нормальный бизнес. Или хотя бы денег поднять. Потому что служба в *комиссии* была скорее *служением*.

В КОМКОНе большинство пахали за идею. Получали негусто. Палат каменных с тех доходов точно не наживешь.

А у них с Даниловым – дыра на прорехе. Осталась от ее родителей развалюха по Горьковскому направлению, в которую они лет пять не заглядывали. И эта старая родительская квартира на Новослободской давно ремонта требует.

Вот, значит, сколько у нее возможных направлений. Бизнес – раз. Материнство – два. Месть за родителей – три.

Да ведь современные женщины разные свои стези легко соединяют! И действуют *по всем трем направлениям*: работа, потомство и семейные проблемы.

Но этим Варя займется завтра.

А пока отдыхала.

Наслаждалась покоем.

Вспоминала былое.

И свои битвы. Собственную войну, о которой она, согласно подписке, никому не могла рассказать.

Пожизненно.

Двадцать один год назад

Когда Варя вспоминала те деньки, они ей представлялись почему-то солнечными и безоблачными. Хотя и тучи тогда наверняка налетали, и метели. И дожди шли. Но, может, солнце в ту пору светило – если сравнивать с нынешними временами, когда сплошной мрак кругом? А может, она просто была совсем молодой? Потому и жизнь представлялась солнечной, ясной да погожей?

Последний курс ВМК, зима, февраль. Бабушка жива, а у Вари последние месяцы студенческой вольности – впереди защита, распределение.

Деньжат тогда не хватало, поэтому визит в кафе был праздником. Даже кофейком полакомиться с пирожным, не говоря о том, чтоб поесть или коктейль выпить.

Да и подходящих кафе в столице немного, чтобы без штанов не остаться и удовольствие получить.

В то заведение они собрались с Верой Погодиной днем: выпить малость, поесть и поболтать. Заранее наметили, сговорились. Потом, когда встретились, оказалось, что Верунчик укладочку по такому случаю соорудила – будто на свидание собралась.

Как оно называлось, то местечко? Его давно не существует. В самом центре находилось, в районе Патриков, – сейчас там сплошь модные заведения. А двадцать лет назад встреча-

лись разные: и дорогущие, и шалманы низкопробные, и средние по качеству. То кафе было из подходящих для студентов: недорого, вкусно и не отравят.

На Малой Бронной оно стояло, на углу со Спиридоньевским переулком. С тех пор на Патриарших все заведения сменились, да не по одному разу.

Название у кафе было стремным. Интерьер тоже не чета нынешним, над которыми модные дизайнеры работают: твердые неудобные сидения, простые струганные столы. Зато мясо готовили божественно. И коктейли бармен смешивал – будь здоров.

Вера неподалеку жила и заранее заглянула, столик заказала. Как он звался, тот ресторанчик? Какое-то странное название... Не слишком аппетитное... Может, из-за неправильно-го именования они в итоге и разорились...

Точно, называлось местечко «Тривия». «Тривия», подумать только! Что бы это значило? Почти как «травильня»... Или «трава», «требуха»... Тогда Варя не озаботилась, а теперь и не спросишь, почему такое наименование.

Кононова (нынче, в июне двадцать второго) от нечего делать загрузила в интернет-поиске: «Тривия». И нашелся ответ. Подумать только, второе имя римской Дианы.

Тривия – божество охоты, ночи, подземного царства.

А она и не знала.

Ладно, ничего постыдного. Она ведь не гуманитарий, как Данилов, а твердый и уверенный математик.

Другой вопрос, куда кафе делось, бесполезно задавать. И что стало с тем красавчиком-барменом, который все на Варю поглядывал, но подойти так и не решился, и с тем официантом, который...

Да, подавальщик принес горячее, расставил перед ними тарелки, пожелал приятного аппетита, а потом вдруг, р-раз, протянул Кононовой конверт. И проговорил таинственно: «Вам просили передать...»

Грешным делом, она подумала, что послание от красавчика-бармена, но что за странный способ знакомства: записочкой, словно они семиклассники! Письмо? Бумажное? Серьезно? Кононова оглянулась на стойку – но парень глазами ее не ел, а, напротив, отвернулся и копался со своими бутылками.

– Что за послание? – хихикнула Верунчик (в них уже плескалось по коктейлю). – От кого письмо? Любовное признание? Открывай, посмотрим!

Но что-то Варе подсказало: показывать письмо Вере не следует. Она сунула депешу в сумочку и переспросила у подружки о ее любовных делах: разговор о личном – самый верный способ переключить внимание собеседника.

Но пакет осмотрела, конечно. Стандартный конверт, старого образца, советских времен: не длинный, как на Западе (и как стали к началу двадцать первого века использовать у нас), а почти квадратный. Адреса нет, марки тоже. Заклеен.

«Бред какой-то, – подумалось, помнится, ей. – Двадцать

первое столетие на дворе. Какие могут быть *бумажные* письма?! Все электронные посылают! Или эсэмэски».

Любопытство стало сжигать изнутри – но распечатывать конверт в присутствии Верки Кононова не торопилась. Когда покончили с горячим (и со вторым коктейлем), сказала: «Извини, Верунчик, с желудком непорядок, я в туалет...»

Только в тесной и неудобной кабинке раскрыла депешу. Получилось неаккуратно, клоками, но что поделаешь.

В конверте оказался сложенный вчетверо листок. А на нем – как в детективном, блин, старом фильме – наклеены слова и буквы, вырезанные из газеты! Но содержание такое, что Варю бросило одновременно в жар и в холод.

«Я знаю, почему ОНИ погибли. Приходи завтра в 23.00 в церковь в Вешняках».

Слово «ОНИ» вырезано из заголовка, поэтому раза в три больше остального текста.

Совершенно понятно, что оно здесь – главное. *Они погибли.*

Кто подразумевается под словом «они»? О чьей смерти она думала тогда, несмотря на то что минуло почти десять лет? Разумеется, это означало – мамочка с папочкой, которые разбились в конце лета 1993 года на машине и с гибелью которых Варя до сих пор не могла примириться. Все время думала: хотя дело давно закрыто, все совсем не так просто с их смертью.

Может, письмо чья-то злая и глупая шутка? Но кому по-

надобилось столь пошло, мерзко, оскорбительно шутить? Или это странное совпадение, ошибка? Письмо предназначалось не ей, а какому-нибудь бандитскому авторитету? Попало к ней случайно?

Варя вышла из туалета в растерянной задумчивости. Или задумчивой растерянности. Но и тогда при всякой *непонятке* (как выражались в те времена) она предпочитала не *рефлексировать* (как изъяснялась ее интеллигентная бабушка) или *сопли жевать* (как говорили гораздо менее воспитанные сокурсники).

Действие в ее характере традиционно опережало *размышление*. (За что впоследствии Петренко неоднократно Кононову корил-порищал.)

Вот и сейчас она не планировала и не загадывала, что будет делать. Но тут как раз из кухни выбежал давешний официант. Попытался проскользнуть бочком мимо нее.

В закутке у туалета их из зала видно не было, и Варя, неожиданно для себя, тормознула подавальщика.

– А ну, стой!

Тот покорно повиновался. Они оказались лицом к лицу – притом Варя, сто семьдесят восемь сантиметров плюс каблуки, смотрела на худенького парнишку-официанта если не сверху вниз, то по меньшей мере вровень. И возрастом он тоже был ей впору: двадцать с небольшим, максимум двадцать пять. А уж ручки ее и плечи (кандидат в мастера по академической гребле!) смотрелись внушительней, чем

у сублильного полового.

– Ты мне сейчас письмоцо в конверте всучил.

– Ну.

– Откуда оно у тебя?

– Просили передать.

– Кто?

– Один мужик. Заходил незадолго до вас.

– Что за мужик? Ты его знаешь?

– Нет. Первый раз видел.

– Какой из себя?

– Мужчина и мужчина, – дернул плечиком официантом.

– Ты давай толком рассказывай, – ласково молвила девушка, а сама как бы невзначай погладила парня по щеке. Но потом опустила руку ниже, к худенькой шейке, и чуть-чуть ее, вроде бы дружески, прижала. – Сколько лет мужику? Из каких краев родом на вид? Какой акцент? Что собой представляет? Бандит, мент, работяга, интеллигент?

Мимо них в направлении удобств проследовали две фи-фы, сидевшие за соседним столиком. Увидели картинку: мощная дева зажимает в угол официанта – фыркнули, хихикнули, скрылись в сортире.

– Рассказывай давай толком! – поторопила Кононова.

– Ну мужик такой, лет тридцати, может, тридцати пяти. Чуть ниже меня. – Подавальщик нервно хихикнул. – И тебя, значит. Шибздик. Но одет цивильно. Пальто, костюм, галстук. Говорит правильно, без акцента. Интеллигент, похоже.

Не бандит, точно.

– Может, мент?

– Может, и мент. Но в штатском.

– И что он сказал?

– Попросил передать письмо.

– Письмо... А кому? Как он объяснил? Как ты понял, что послание мне предназначается? Он фамилию мою сказал?

– Сегодня, говорит, зайдет к вам такая девушка. Ну, и тебя описал.

– Описал? Как?

Парнишка слегка покраснел.

– Большая такая, говорит, мощная молодая девушка. С большой грудью. – Краска сделалась гуще. – Студентка. Лет двадцати. С подругой.

– А если б тут другая мощная оказалась?

– Он мне фамилию вашу назвал.

– И какая у меня фамилия?

– Кононова.

– Правильно. Но ты у меня ее не спросил.

– Дак я вас опознал, поэтому не сомневался.

– И ты вот так невзначай согласился мне письмо передать?

А если там споры сибирской язвы?

Тогда, двадцать лет назад, это было чрезвычайно горячей темой. Террористы в Америке их по почте журналистам и политикам рассылали.

– Не похож он был ни на какого террориста... Скорее...

– Что?

– Вот правильно, на мента смахивал. Взгляд у него был такой... острый.

– Вот, – удовлетворенно вздохнула Варвара, – теперь ты, парень, наконец вырулил на путь признательных показаний. И деятельного сотрудничества со следствием.

– А вы что, тоже из органов?

– Как тебе сказать...

Тут из «комнаты отдыха» выползли давешние фифы, снова обстреляли Варю с подавальщиком усмешливыми взглядами и скрылись в зале.

– Одно не могу понять... – протянула Кононова. – Зачем ты письмо взял от мужика? Мало ли что в нем? Шантаж, угрозы. Запросто ведь загреметь можешь за соучастие.

– А там что на самом деле?

– Вот не твоего ума дело. В прокуратуре теперь отвечать будешь.

– Ты серьезно?

Немного жалко его стало, и Варя махнула рукой:

– Ладно, живи. Но я все равно удивляюсь, почему ты так покорно письмо вызвался передавать.

– Он мне денег дал. Двести рублей.

Двадцать один год назад это выглядело изрядной суммой – как сейчас две тысячи, наверное.

– Тогда это все меняет, – усмехнулась Варя. И добавила: – Давай кофе нам принеси. И счет.

Когда вернулась к столику, в запале от разговора с половым, на нерве, напустилась на подругу:

– Кому ты говорила, что мы сегодня здесь с тобой встречаемся?

От напористого тона Верочка вздрогнула и губки поджала:

– Никому. А что?

Варвара поняла, что перегнула палку и примирительно протянула:

– Да видишь, какое-то мне странное послание передали. А кто знал, что мы с тобой именно сюда собираемся?

– А что в письме-то?

– Ой, долго рассказывать. Очень, очень личное. Но не про любовь.

– Но я никому не говорила. Мама только знала.

– Да, и у меня бабушка.

– И еще в ресторане. Я ведь столик заказывала.

– И говорила им, что именно со мной придешь?

– Нет, конечно.

– В том-то и дело.

А тут и официант явился, с кофе и счетом.

В итоге мирные девичьи посиделки оказались подпорченными.

Варя неотступно думала, кому и зачем потребовалось ворошить былое.

Она не могла не признаться себе: прошлое, затянувшееся

ся было тиной забвения, оказалось разбередить чрезвычайно просто. Она снова принялась лить слезы по маме с папой, вспоминать их последние дни, думать, случайна ли гибель.

И, разумеется, на завтра в ночь отправилась, куда ее зывал неизвестный: к церкви Успения Богородицы в Вешняках.

Два десятилетия назад Варя ездила на «шестерке». Конечно, далеко не иномарка. Но откуда у двадцатилетней студентки деньги на заморский автомобиль!

А на советский подержанный автопром сама заработала, в стройотряде прошлым летом. И водить выучилась и экзамены в ГАИ сдала.

Бабушка вздыхала-кручинилась, а потом ключи от отцовского пустующего гаража дала, где раньше его «Волга» стояла. Ту отцовскую «Волгу» в аварии насмерть покалечили, и она в семью не вернулась, отправилась в металлолом.

Бабуля не раз заводила речь: дескать, давай бокс продадим – «новые русские» хорошие деньги обещают. Центр все-таки. Но Варя сопротивлялась изо всех сил: нет, и все тут. И вот пригодился.

На каких только машинах с тех пор не разъезжала Варвара! И билась на «десятке» с подпорченными тормозами на Михайловском перевале, и по Манхэттену рассекала на арендованной «японке», и по невадской пустыне гоняла на «Крайслере». А все равно ту «шестерочку», словно первую любовь, забыть не могла. Очень капризная, свое-

правная машинка была, но по-своему верная. Самая любимая.

Назавтра в десять вечера Варя вывела «Жигули» цвета беж из гаража.

Алексей Данилов.

Наши дни (лето 2022)

После нескольких лет искусственной комы к своему собственному телу Данилову пришлось долго привыкать.

Десятки дней массажей, физиотерапии, рефлексотерапии. Лечебная физкультура. Акупунктура. Занятия с психотерапевтом.

Но самой большой наградой в новом теле оказалось восстановление прежних сверхспособностей.

С непривычки это ошеломяло.

«Вау, я, оказывается, умею читать мысли! Мне подвластно внушение. Я могу влиять на людей, не применяя слова, невидимой силой собственной личности».

С одной стороны, это было восхитительно. С другой – совсем непривычно. И думалось об огромной ответственности, которую незримо возлагала на него Судьба или Бог вместе с даром. В дополнение к нему. Так сказать, в нагрузку.

Обычно он никогда не применял сверхспособности для того, чтобы добиваться личных целей. А тут удержаться не мог: внушал и лечащему врачу, и заведомо, и начальнику госпиталя, что его надобно выписать как можно

скорей.

Его и отправили домой – одновременно с Варварой. Хотя не должны были так скоро. Все-таки он в коме провел на полгода дольше, чем она. Наверное, сказался его мысленный посыл, адресованный больничному начальству: «Выпишите меня скорей!»

И какой прекрасной оказалась их первая после огромного перерыва встреча с Варей: своей, родной, любимой, привычной.

Оказавшись в прошлом, в чужом теле, он никогда не думал, что сможет когда-нибудь со своей возлюбленной снова увидеться. Но потом случилось первое чудо, и она последовала в 1958 год вслед за ним.

Но и тогда он был уверен, что не суждено им вернуться в свое время, в собственные тела. И вот произошло второе чудо: они возвратились.

Следовало отдаваться прежней жизни, как ни трудно. Искать хлеб насущный. Возвращаться к работе.

Алексей позвонил помощнику Сименсу, и тот восстановил часы и дни приема.

Данилова слишком долго не было в Москве. Его слава за эти годы потускнела. Имя позабылось.

Да и столько всего произошло! Кто-то из бывлых клиентов уехал. Кто-то скончался. А иные нашли себе новых помощников, советчиков и кумиров.

Но все равно клиентура понемногу восстанавливалась.

Рост шел чуть не каждый день. Пациентов становилось все больше и больше.

Хорошо объяснимо: наступили смутные времена. Как никогда люди нуждались в понимании, утешении, совете. Хоть кого-нибудь: врача, священнослужителя, экстрасенса.

Многих, кто приходил к нему в полном раздрае, Алексей просил дозволения просканировать. А когда получал разрешение и видел, что творится у пациента в душе, мысленно хватался за голову. Внутри большинства царила ужасная каша, тяжелая мешанина. И непонимание того, что происходит, неверие в то, что творится.

Увращать это было страшно тяжело. Данилов видел только один возможный путь: с помощью правды. Но ужас заключался в том, что она выглядела настолько шокирующей, что ни реципиенты, ни даже его собственный мозг не хотели ее воспринимать. И принимать.

Поэтому приходилось идти во врачевании очень бережно, нежно отлепляя, фигурально выражаясь, пластыри, которые люди сами себе накладывали на обожженные души, менять их на новые, профессиональные повязки, по капле восстанавливать их веру в себя и надежду на будущее. Он ясно видел: горькая, тяжелая, но – ПРАВДА восхитительным образом действовала на людей, когда они внутренне соглашались ее принять. Они распрямлялись, становились ясней и тверже, а все их соматические боли, на которые жаловались, вдруг чудесным образом испарялись.

Варя.

Двадцать один год назад

Тогда возле Успенской церкви в Вешняках не построили еще шумящую днем и ночью автотрассу – северо-восточную хорду. Было здесь тихо и покойно. А в одиннадцать вечера и давно.

Варя, ориентируясь по карте – никаких навигаторов тогда и близко не существовало, – свернула к храму с улицы Красный Казанец и припарковалась, не доезжая до входа метров тридцать.

Здание, где отправляли культ, в ту пору никак не подсвечивалось, и оно каменной громадой белело за ночной оградой.

Варя достала из бардачка фонарик – он всегда был при ней в «шестерке», на всякий случай.

Глухо, тихо, ни одного человека вокруг.

Как и положено старинной церкви, при ней имелось кладбище.

За прозрачной металлической решеткой, увенчанной пиками, темнели кресты и надгробья.

Вход на территорию оказался заперт. Калитка закрыта. Изнутри висел замок. Створки связаны цепью.

Чего и следовало ожидать. И никого поблизости. Ни единого человека. Лишь издалека долетает шорох шин – редкие машины несутся по путепроводу над железной дорогой ря-

занского направления, вырывают на улицу Юности. Где-то вдалеке раздался свисток электрички.

Нервы вдруг напряглись до предела. Да полно, что может случиться? Подъедет машина? Подойдет человек? Кто-то выйдет из церкви? А может, это ловушка? Ее сейчас схватят, похитят, умертвят, разберут на органы?

Все может быть – в пустынном месте на окраине, в двух шагах от Кусковского парка.

Варя включила фонарик, осветила туда, сюда. Луч выхватил заледенелую дорожку, кучи убранного снега. Скользнул за ограду церкви. И вдруг...

Среди могил блеснуло что-то странное. Варя навела луч, пригляделась.

За оградой, неподалеку от нее, близ первого ряда могил на снегу лежал удивительный предмет.

Там чернела моделька автомобиля.

Один в один та самая новая «Волга», которая была у отца. В которой они с мамой разбились.

Игрушечная модель, что валялась на снегу у могилы, тоже оказалась сплющена, измята, изломана. *Так же, как машина родителей.*

Это не могло быть совпадением.

Недолго думая Варя подошла к ограде и руками в перчатках схватилась за железные рейки. Подтянулась, забросила ногу на верхнюю железную планку.

Она дружила со спортом. Была чемпионкой Москвы

и кандидатом в мастера по академической гребле. Даже при ее росте под сто восемьдесят и весе чуть за семьдесят перелезть через забор в человеческий рост труда не составило. Девушка легко спрыгнула в снег – туда, где начиналась территория церкви, на кладбище.

Она подошла к раскуроченной, скособоченной модели машины.

Оказалось, что игрушка лежит не на снегу или на земле. Под ней – жестяная коробка из-под иностранного печенья. Коробка перетянута полоской скотча там, где открывается крышка.

И вдруг – со стороны церкви свистки, яркий свет фонаря. Крик: «А ну, стой на месте!»

Варвара моментально перекинула на противоположную сторону ограды и коробку, и изуродованную копию «Волги». Затем сама подтянулась на руках и стала перебрасывать тело через пики церковной решетки. Сзади она видела колеблющийся свет и слышала тяжелые шаги бегущего человека.

Она задела рукавом пику ограды. Затрещала раздираемая ткань куртки. Варя свалилась по другую сторону от решетки. Быстро подхватила коробку, израненную копию «Волги» и кинулась к своей машине.

Преследователь подбежал к внутренней стороне ограды. Луч его фонаря нашел убегающую фигуру девушки. «Стой! – прокричал человек. – Я вызываю милицию!»

Останавливаться Варвара не стала. Открыла свою «шесте-

рочку», забросила на пассажирское сиденье коробку и раскуроченную модель, завела движок и резко газанула.

Где-то в тишине ночного города запела милицейская сирена. «Успокойся, это не за мной», – шепнула себе девушка. Но все равно помчалась подальше от церковной ограды.

«Интересно, запомнил ли сторож номер машины? А даже если и так, что он докажет? И какое я, спрашивается, преступление совершила? Перелезла через ограду кладбища? Смешно!»

Ею овладела эйфория. На высокой скорости она пронеслась по улице Юности, вдоль Кусковского парка. Навстречу ей и вправду попалась милицейская машина с включенной сиреной и проблесковыми маячками. Сердце упало, но авто правоохранителей не стало останавливаться и тормозить ее «шестерку» – просквозило мимо.

Миновав путепровод через другую железку, курского направления, Варя свернула под мост и тормознула на парковке у заправки. Там было светло, то и дело подъезжали машины, шоферы выходили, вставляли раздаточные пистолеты в баки, шли к стекляшке платить. Было совсем не страшно.

Из набора инструментов в багажнике Варя достала перочинный нож. Покойный отец говаривал – он воспитывал свою единственную дочку как мальчишку: «Перочинный нож никогда не помешает. Иногда может даже спасти». А когда она переспрашивала: «От чего?», папаня лукаво улыбался: «Например, от жажды. Открыть при случае бутылку ли-

монада».

Теперь благодаря ножичку Кононова разрежала скотч и распаковала коробку.

В ней оказались две фотографии. Точнее, ксерокопии фото, напечатанные на стандартных листах писчей бумаги формата А4.

На одном – фото отца. На другом – матери.

Обе фотки выглядели словно официальные. Лица родителей строгие, безулыбчивые. Наверное, взяты откуда-то из документов. Например, из личного дела.

Папа – в парадной форме, но в полковничьей, не генеральской. Строго смотрит в объектив. Молодой, красивый, ни единого седого волоса. Университетский значок-«поплавок», несколько медалей. Наверное, конец восьмидесятых или начало девяностых. Папе лет сорок пять.

И мамочка – совсем юная, но столь же официальная. Деловой костюм джерси, белая блузка. Строго смотрит в объектив.

Очень похоже, что оба фото откуда-то из отдела кадров. Варя ни тот ни другой снимок никогда раньше не видела.

«Со мной кто-то играет. Он знает, что случилось с моими родителями».

Кроме двух фотографий, больше в коробке из-под печенья ничего не оказалось.

Она перевернула оба листа.

На одном – папином – оказалось что-то написано, мелень-

ко, еле заметным карандашиком. Варя включила лампочку под потолком машины. И в самом деле ряд цифр.

010.215.180.0615

Тринадцать цифр на одном лишь папином фото – и все. На мамином – никаких пометок.

Кононова уложила оба листка обратно в коробку, закрыла ее и не спеша поехала к себе домой – в квартиру на Красно-пролетарской, где ждала ее бабушка.

Ехала и думала: что это могло значить? Ведь это, наверное, шифр? Значит, человек, который подсунул ей письмо с вырезанными из газеты строчками, продолжает с ней играть?

Бабушка, конечно, не спала – ждала непутевую внучку, которая усвистала на ночь глядя на машине.

Коробку с фото Варя домой не потащила, оставила в авто в гараже. Нечего бабушку пугать да расстраивать. Как-нибудь сама, без ее участия, разберется.

Она успокоила бабулю – зашла в комнату, пожелала спокойной ночи. Бабушка лежала в кровати в белой ночной сорочке, под одеялом, и по давней привычке гладила себя ладонями по лбу и щекам – массировала от ненужных морщин. Девушка поцеловала ее, на минуту прижалась. От бабушки пахло ночным кремом.

На кухне Варя заварила себе чаю, положила три ложки сахара. Глюкоза должна помочь умственной деятельности – с весом тогда, двадцать лет назад, она еще не боролась.

Пошла в свою комнату, села за компьютер. Чего-чего, а простору в генеральской квартире на Краснопролетарской улице хватало. С шести лет, как они сюда переехали, у Вари имелась собственная комната и личный письменный стол.

А на первом курсе бабушка ей комп подарила. Как потом выяснилось, продала свои фамильные бриллианты и приобрела новейший «пентиум»: «Как ты будешь своей высшей кибернетике учиться без персональной вычислительной машины!»

Почему-то в тот момент Варя не сомневалась, что сумеет шифр разгадать. Случайно, что ли, ей читали курсы криптографии и криптологии!

Прежде всего Варя забила все тринадцать цифр с точками в интернетовский поисковик.

«По вашему запросу ничего не найдено», – меланхолически отвечала машина.

Может, номер телефона? Это обычно семь цифр, по-новому, с префиксом, десять. А тут их тринадцать, несчастливое число. Но вдруг первые три цифры – код страны?

А может быть, это номер кредитной карточки?

Тогда никаких кредиток у Вари не имелось, да и ни у кого в ее окружении. Но все-таки она знала: на карте – шестнадцать цифр. Или, в крайнем случае, двенадцать.

А здесь – тринадцать.

И все-таки: номер телефона? Вместе с кодом страны? Варя разделила цифры, если б то был телефон. Получилось:

010.215.180.0615

Значит, код страны – 010? Или, допустим, 10?

Варя нашла в Сети программу, которая определяла по номеру, откуда родом тот или иной номер. Записывала ряд цифр так и эдак: и с кодом страны «010», и просто «10», и вовсе отбрасывала первые три. Все равно программа выдавала «Ошибка, номер не найден».

Буквы из вчерашнего письма оказались вырезаны из газеты и наклеены на листочек – очень олдскульно! И этот шифр тоже должен оказаться древним.

А что, если цифрами подменили буквы? Какая по счету цифра – такая и буква по порядку в алфавите.

Варя по-новому разбила числа:

01.02.15.18.00.6.15.

Немного смущали два нуля посередине, но ладно, попробуем. Получалось: 01 – это А, 02 – Б, 15 – Н...

В итоге вышло: АБНРЕН.

Абракадабра какая-то. Полный абнрен.

Может, наоборот прочесть? Тоже ерунда получается: НЕРНБА.

Звучит как название речки где-нибудь в Карелии. Или в Абхазии.

На всякий случай проверила по поисковику и «абнрен», и «нернба» – ничего не нашлось.

Зато сразу вспомнились байдарочные походы: на Большой Зеленчук, на Катунь. Интересно, в этом году получится?

«Не отвлекайся!» – одернула саму себя.

Попробовала заменить цифру на букву под соответствующим порядковым номером, но в английском алфавите. Вышло ABORFO

Явно нет в языке Шекспира подобного слова!

Варя на всякий случай забила словечко в поисковик – и надо же, нашлось совпадение! Если продолжить ABOR FO, то отыскалось «Abor Formation», или, как всезнайка Википедия немедленно подсказала, формация, состоящая из базальта и вулканических пород и находящаяся в районе Сьянг в Индии.

Ну и что ей делать с этим знанием? Поехать туда и рыть шурфы в поисках золота? Ха-ха-ха.

Может, наоборот прочитать?

OFROBA

Тоже ерунда получается.

Полная «офроба». И «абнрен».

Кононова залпом допила остывший чай.

Нужно придумать что-то еще.

Ясно, что полного, внятного сообщения в этих цифрах со-
держаться не может – слишком маленький объем информации. Только новая подсказка, намек, куда ей двигаться дальше.

Может, это координаты места, где спрятана следующая записка, уводящая к очередной подсказке?

Но если зашифрованы координаты, тогда разбивать циф-

ры следует иначе.

010,2151; 80,06157

Первая группа чисел – широта, вторая – долгота.

В Интернете и программа нашлась соответствующая: поиск по карте точных мест исходя из географических координат. Варя забила в поисковик: 10.2151 северной широты, 80.06157 восточной долготы – наше полушарие.

И, удивительно, снова ее почти в Индию унесло! Точнее, в Индийский океан, чуть севернее Цейлона.

И что теперь? Поехать туда и нырять? Нет, полная чушь получается.

Тут взор ее упал на предыдущую разбивку, где она группировала цифры по две.

Начинался тот ряд чисел с шести: 01.02.15.

Боже! Да это ведь завтрашнее число! Только записанное наоборот!

01 – текущий год, две тысячи первый.

02 – месяц, февраль.

15 – завтрашнее число, то есть уже сегодняшнее, ведь третий час ночи.

Значит, и дальше понятно. Раз сначала написан год, затем месяц, а после дата, то следом должно идти – время!

Вот и оно! 1800 – совершенно точно, часы и минуты. Восемнадцать ноль-ноль!

«Значит, мне назначают встречу? Но где?»

В самом конце значилось: 615. Но что может быть под но-

мером «615»?

«Ну конечно! Это аудитория! В нашем корпусе есть шестьсот пятнадцатая! И как раз без пяти шесть, в 17.55, кончается пятая пара, очень легко и просто, где б ты в корпусе ни был, дойти на шестой этаж в шестьсот пятнадцатую и оказаться там ровно в предписанные восемнадцать ноль-ноль!»

Варя вся вспыхнула.

«Значит, это шутит какой-то идиот из универа? Решил так затейливо мне свидание назначить?! Мерзавец! Ну я ему покажу! Я ему устрою!»

Но потом подумалось: «А откуда тогда взялись мамино и папино официальное фото? Даже у меня их нет! Да как вообще кто-то в вузе может знать о родителях? Я никому про них не рассказывала, тем более в подробностях! Пару раз сухо обмолвилась, и то самым близким, когда выспрашивали: погибли, и все. А про разбитую машину вообще никто не знает, ни Верка, ни кто-либо иной! Что тогда значит этот шифр и загадка?»

Варя легла спать, но сон долго не шел. Ворочалась с боку на бок, думала, правильно ли она разгадала шифр и что вся эта игра значит. В одном не сомневалась: на завтра в шестьсот пятнадцатую аудиторию к шести часам вечера точно пойдет.

Сейчас Варя человека, который ждал ее тогда в шестьсот пятнадцатой аудитории, узнала б из тысячи. Да что там! Из миллиона.

Это был не кто иной, как Петренко. Тот самый, с кем съеден с тех пор не один пуд соли. Пережито множество приключений и радостных побед. Но и огорчений, проигрышей тоже случилось немало.

И обижал он ее неоднократно. А она его подводила.

Тогда, в феврале две тысячи первого, он ей показался совсем взрослым, хотя было ему в ту пору немногим за тридцать. Но ей-то, ей – недавно минуло двадцать!

Последний курс ВМК. Распределение.

И вот в шестьсот пятнадцатой аудитории стоит мужчина, слегка опершись на угол парты – красивый, с тонкими чертами лица, одетый в гражданское, в костюмчике с водолазкой. Росту в нем примерно как в ней, но это потому, что Кононова без каблуков, надела кроссовки, ведь вечером тренировка – ОФП в спортклубе. Стоило ей впоследствии явиться на службу на каблуках, Петренко сразу становился на полголовы ниже.

Мужик тогда назвал ее по имени и предложил переговорить.

– Какого черта вообще?! – возмутилась она.

Варя была реально возмущена.

– Что за игры?! Я вам девочка, что ли, ночью по кладбищам ездить? И ваши шифры разгадывать?!

А мужик делает лицо кирпичом и, когда она выдыхается, молвит, не обращая никакого внимания на ее гневные инвективы:

– Я здесь, Варвара Игоревна, для того, чтобы предложить вам работу мечты.

– А откуда вы знаете, какая у меня мечта?

– Оттуда – от такого предложения никто не отказывается. Но ведь и не каждому подобное предлагают, ох, далеко не каждому! – Сделав паузу, он добавил внушительно, чуть не по слогам: – А вот мы вам – да.

– «Мы» – это кто?

Хоть и старше ее был незнакомец, чувствовала себя с ним Кононова тогда совершенно раскованно – это она хорошо помнила даже через двадцать с лишком лет.

Проигнорировав ее вопрос, Петренко поинтересовался:

– Вы американский сериал «Секретные материалы» смотрели?

– «Икс-файлс»? Про агентов Скалли и Малдера да летающие тарелки? Видела парочку серий.

– А как вы думаете, в нашей стране имеется подобная служба? Которая занимается аналогичными мероприятиями?

– Инопланетян ищет? – хмыкнула студентка.

– Не только. Изучает все загадочное, сверхъестественное: телепатию, телекинез, экстрасенсорику и прочая, прочая. Включая инопланетян, да.

– А все, что вы перечислили, – оно существует? Телепатия, телекинез?

– Даже в большей степени, чем вы можете себе представить. А если согласитесь работать с нами и получите допуск, узнаете все в подробностях.

– И вы предлагаете мне с этими загадочными явлениями бороться? Или их изучать?

– И то и другое. В случае необходимости – бороться. В случае возможности – изучать.

Варя на секунду задумалась. Мужик не производил впечатление сумасшедшего или шутника: «Сюрприз! Вас снимает скрытая камера!» Все выглядело более чем серьезно. И глаза у собеседника были, что называется, суровыми: так глядят всякие спецслужбисты – менты, кагэбешники, военные. Правильно давешний официант из кафе «Тривия» сказал: по взгляду чувак, что письмо передавал, на мента смахивает.

Потом, спустя пару месяцев службы, она и сама так научилась, главное – смотреть человеку не в глаза, а в точку посреди лба.

– У меня и без вас прекрасное распределение, – открестилась Варвара. – Не думаю, что вы сможете его перешибить.

– По деньгам действительно вряд ли мы кого-то сможем,

как вы выражаетесь, перешибить. Но у нас есть и другие плюшки, помимо действительно *очень интересной* работы. Например, наши сотрудники имеют свободный доступ к архивам любых ведомств по всей стране. В том числе и самых засекреченных: Минобороны, ФСБ, милиции, прокуратуры.

– Ну и зачем это мне?

– Вы сможете наконец отыскать, кто и почему погубил ваших родителей.

Наконец он открылся. Значит, все, что с ней происходило в последние дни – письмо, переданное официантом, коробка с фотографиями за оградой церкви, шифровка, – все было частью игры этого человека.

– Так, значит, признаетесь? Вы это все делали! С кладбищем, коробкой, фотографиями! Проверяли меня?

Петренко изобразил полное непонимание.

– Вы о чем это?

– О письме со строчками из газеты, о разбитой автомодели среди могил!

– Не понимаю, о чем вы говорите.

Впоследствии, в каких бы прекрасных отношениях они с Петренко ни находились, он никогда ей так и не признался: все, что с ней творилось, было его игрой и ее испытанием. А она ни капли не сомневалась, что за этим стоит он (или его начальники).

Недаром церковь Успения в Вешняках расположена, как оказалось впоследствии, в двух шагах от штаб-квартиры

комиссии. «Халтурщик Петренко, – думала она, – поленился подкинуть коробку и разбитую «Волгу» в другое, более далекое и романтическое место!»

Да, именно ради того, чтобы отыскать убийц родителей, Варвара некогда пошла служить в *комиссию*.

* * *

Место службы у Вари оказалось *легендированным*. Никто – ни бабушка, ни близкие родственники, ни тем более друзья – не должны были знать, чем она на самом деле занимается. Для всех она трудилась в компьютерной фирмочке «Ритм-21»: решала задачи, писала программы.

– Зачем такая конспирация? – спрашивала она у Петренко.

– Само существование нашей *комиссии* составляет предмет гостайны, – пожимал он плечами. – Меньше люди знают – крепче спят.

Потом выяснилось, что есть еще одно объяснение работы под прикрытием: на случай *особого периода* (сиречь войны) сотрудникам *комиссии* полагалось действовать как диверсантам на территории *главного противника* (то есть США и стран НАТО). А для того им следовало туда инфильтроваться.

Но, как известно, офицерам российских спецслужб западники визы всегда давали неохотно. А простым программистам

стам – пожалуйста.

Это и для службы удобно: Варя некогда американскую визу получала и ездила в невадскую пустыню, когда расследовала дело об избиении футбольного центрфорварда Сырцова. А потом в Нью-Йорк и на берега штата Массачусетс – когда за олигархом Корюкиным охотилась.

Но, несмотря на прикрытие, в самой штаб-квартире КОМКОНа Варя, конечно, бывала часто.

А вот военную форму надевала всего несколько раз – буквально на пальцах одной руки можно пересчитать. На первых порах, например, когда присягу принимала и для личного дела фотографировалась.

Форма ей шла – бравый такой, румяный лейтенант, из серии «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». А может, ручищей своей сожмет врага за шею и кислород ему перекроет. Или, хм, с любимым затеет игру с применением наручников.

Даже жаль, что никому нельзя те фоточки показать.

Когда она начала работать, первым делом спросила у Петренко: как подступиться к поискам виновных в смерти родителей? И почему его самого (или КОМКОН) этот инцидент, случившийся почти десять лет назад, интересует? А если такой интерес у *комиссии* имеется, почему они *сами* смерть Кононовых не расследуют?

Начальник (тогда он был не полковником, а всего лишь капитаном) ответил ей откровенно. Ну или ей показалось,

что звучал его голос искренне.

– Как по мне, само по себе дело о смерти ваших родителей – загадочное и странное. Да и занимался ваш батюшка такими делами, что находились на переднем крае науки, причем не только военной.

– А над чем именно он работал?

– Знаете ли, Варвара Игоревна, – тогда они еще были на «вы», – по какому принципу *режим*, то есть секретность, организован? – ушел от прямого ответа Сергей Александрович. – Отсеков на корабле или в подводной лодке. Ты служишь в назначенном тебе месте и в курсе только тех дел, каковые надобно знать по службе. Что творится за переборкой, в соседнем помещении, не видишь и понятия не имеешь. Знаете ли, к примеру, что в ОКБ-1 у Королева Сергея Павловича в самом начале шестидесятых существовал отдел, который проектировал ни много ни мало – марсианский корабль? Но его сотрудники молчали себе в тряпочку и не болтали. Поэтому для всех это стало абсолютной новостью, когда срок секретности вышел. Вот и я тоже ни капли не осведомлен, чем конкретно ваш папенька занимался. Но я исхожу из наименования института, в котором Кононов Игорь Павлович был начальником. А открытое именование его – Институт прикладных психологических исследований Министерства обороны, сначала СССР, до девяносто первого года, а в дальнейшем – России. А какими такими прикладными психологическими исследованиями может заниматься

доктор медицинских наук, как ваш отец? Или кандидат медицинских наук, как ваша маменька? Вопросы, думаю, риторические. Кстати, закрытое название ИППИ было, как я знаю, таким: «Институт ментального программирования».

– Почему же ваша *комиссия* смерть моих родителей сама не расследовала?

– Приказа не было, – пожал плечами Петренко. – У нас в службе дисциплина военная: все по приказу.

– А сейчас почему взялись?

– Мы и не взялись. Это *вы*, Варвара Игоревна, *возьметесь*, потому что у вас имеется свой, личный интерес.

– А что с отцовским институтом стало? После гибели моих родителей?

– Вскоре после смерти вашего батюшки он был, согласно приказу министра обороны, закрыт и расформирован.

– Вот как! А его архивы?

– Уничтожены.

– Варварство какое-то... – пробормотала Варя. – Или диверсия.

– Что вы хотите! Девяностые! Тогда вон огромный проект «Буря», вместе с ракетой «Энергия», над которым вся страна трудилась, погубили, и то никто не вякнул.

– А меня к делу о смерти родителей допустят?

– У вас будет серьезное оружие: допуск всюду. К любым документам, любого уровня секретности, в любом ведомстве нашей страны. Образно говоря, вы (как и я, и другие наши

сотрудники) теперь в любой отсек вхожи, и любой секретчик обязан вам поставлять информацию. Комиссия наша за этот допуск и осведомленность долго и небезуспешно боролась, начиная с момента создания, в самом начале шестидесятых. Поэтому вперед, Варвара Игоревна, и с песней. Но считаю своим долгом предупредить, что делом о гибели ваших родителей вы станете заниматься в свободное от непосредственных служебных обязанностей время. В порядке личной инициативы.

«Хорошо Петренко устроился! – подумалось, помнится, ей тогда. – Нашел *интересанта*, который важную (почему-то) для него тему станет разрабатывать. Да еще в свободное время».

Но потом поразмыслила и решила: «Но мне-то это нужнее и важнее, чем Петренко».

В первый же день, свободный от посещения штаб-квартиры комиссии (и обустройства фирмы-прикрытия «Ритм-21»), Варя отправилась в архив главной военной прокуратуры.

Дело было летом две тысячи первого года. Тогда она начала работать *там, где говорить нельзя*. И занималась тем, *о чем никому не рассказать*.

Петренко произвел на нее неизгладимое впечатление, поведав, чем занимается комиссия. Более всего, помнится, на нее подействовали истории о Посещениях, которые, как оказалось, и в самом деле случались.

Кто мог тогда знать, что пройдет десяток лет, и ей самой придется бороться с *чужими* в тундре посреди Яранского края!²

А пока она стала вести тихую жизнь канцелярской крысы. Острый бумажный запах сотен папок в архиве. (Дело о гибели родителей было не оцифровано.) Скрипучий стул и вдавленный стол, на котором она листала папку. Печать на лицевой стороне: ПРИОСТАНОВЛЕНО.

Но вот ведь история! Сейчас, в двадцать втором году, она помнила тот стол и стул, запах бумаг, допотопные лампы дневного света над потолком... Помнила и заголовки бумаг, что присутствовали в деле: протокол осмотра места происшествия... схема ДТП... показания очевидцев... протоколы экспертиз... Но за двадцать один год напрочь выветрилось из памяти, *что* в тех документах было написано. Все детали стерлись. Осталась память лишь в самых общих чертах.

Возможно, тогда, два десятилетия назад, она мысленно зажимивалась, не желала воспринимать то, что написано в бумагах. Это было слишком больно: все-таки речь шла не о безликих и незнакомых «потерпевших», а о любимых папочке и мамочке. И разбито в клочья оказалось не постороннее «транспортное средство», а родная «волжанка», на которой они так часто всей семьей ездили и с которой было многое связано.

---

² Об этом можно прочесть в романе Анны и Сергея Литвиновых «Аватар судьбы».

Посмотреть бы эти документы сейчас, в двадцать втором! Только кто теперь ее к ним допустит!

Варя – в отставке. У нее больше нет полномочий. Не только неограниченных, как тогда у сотрудника *комиссии*, – вообще никаких.

Да и что она может сделать сейчас?

Леша пришел с работы. Щелкнул замок, хлопнула дверь. Варя вышла его встречать. Выглядел он усталым – так всегда бывало, но теперь это замечалось сильнее, чем раньше. Морщинка на лбу залегла, под глазами тени, лицо бледное.

Не так много они совместно прожили. Не больше года перед тем, как Алеша сорвался в прошлое – а Варя последовала за ним. Но в то спокойное время бок о бок сумели наработать правильные (как оба считали) принципы общежития.

Равенство в домашних делах, например. Кто раньше придет, тот и ужин быстренько варганит. А если совсем устал или невмоготу – пиццу заказывает или другую еду. И никто ни к кому не пристаёт с расспросами, как прошел день. Особенно с порога, к усталому человеку.

У Кононовой на службе вообще все секретное. Данилов, в свою очередь, не считал этичным о своих клиентах рассказывать.

Но теперь ситуация переменялась. Варя больше не служит. Времени свободного много, поэтому может порадовать возлюбленного вкусеньким.

В этот раз приготовила болгарское национальное блюдо

«чушка берег», то есть перец, фаршированный брынзой. И, как заведено было, не бросилась к партнеру с порога с расказами/вопросами: мол, как прошел твой день, а вот я!.. А я делала/думала то-то и то-то и так далее...

Нет, дала Алеше спокойно поужинать, прийти в себя.

Они откупорили бутылку вина – белое сухое не совсем подходило, к брынзе больше красное пристало – зато локальное, под болгарское блюдо хорошо зашел болгарский же геврецтраминер. Да и потом, жара, лето – белое лучше освежает.

Лишь потом, когда разгладилась хмурилка на лбу Алеши и бледность с чела немного отступила, румянец привычный заиграл, Варя стала делиться наболевшим.

Посетовала: никак не может вспомнить то, что успела нарыть о смерти родителей в начале нулевых, когда только-только служить в *комиссию* пришла. Да и вообще, не зряшний ли труд – пытаться почти через тридцать лет после их смерти заново разыскивать возможных погубителей мамы и папы? Да и существовали ли они, те душегубы?

– Дело бесполезное, – рассудительно отозвался Данилов, – коль скоро ты взялась за него. Разве не заметила: все, что ты начинаешь, обязательно до конца доводишь? Только каким в этом случае конец будет, кто скажет! Может, и не виноват никто в их смерти, ты ведь это допускаешь? Или найдешь душегуба, а он, упс, сумел избежать земной юрисдикции и пребывает в аду, в котле варится. Тридцать лет, зна-

ешь ли, срок немалый.

– Но я ничегошеньки не помню из того, что выяснила двадцать лет назад. Адрес, где была, представляешь, в голове остался: архив главной военной прокуратуры, переулок Хользунова, четырнадцать. Помню, как ехала туда не на машине, а на метро, до «Фрунзенской», потом пешком. Здание тоже – старый особняк за новым желтым забором. Обложка дела прямо перед глазами стоит, а что там внутри было – ничего, как отрезало.

– Хочешь, я тебя загипнотизирую, все и вспомнишь?

– А ты и гипнотизировать умеешь?

– Спрашиваешь! А как иначе я заставил тебя со мной жить?

– Ах ты жулик! – рассмеялась она и шутейно двинула в плечо своей не самой легкой ручкой.

Он, так же играя, перехватил ее и взял на прием.

– Тише, медведь, вино расплещешь. – Она обозначила контрприем.

Кончилась эта игра, как почти во все вечера после их возвращения, в постели.

Когда они только начали встречаться, еще на первом свидании Данилов со всею серьезностью ей сказал: «Ты знаешь, кто я и какие у меня способности. Так вот, обещаю, Варя, и всеми святыми клянусь, что никогда не стану использовать свой дар против тебя. Точнее, даже так: никогда не возьмусь *читать*, рассматривать твои мысли, визнавать, что у тебя

на уме. Пожалуйста, будь уверена: я никогда не буду вынюхивать, пользуясь своими умениями, про тебя что-то потаенное. Воспринимай меня так, как всех других мужчин (и женщин) вокруг. Даже если ты сама меня попросишь себя *просканировать* – откажусь. Лучше направлю на консультацию к хорошему врачу-специалисту, у меня знакомых много».

Варя ему верила – не могла не верить. Но все равно опасалась. И ей бы очень не хотелось, к примеру, чтоб Алеша однажды разузнал, что с нею произошло той весной, когда они познакомились... О тех ее встречах... О той любви и ужасной драме...

Поэтому даже сейчас, когда ей требовалась его помощь, она понадеялась, что Данилов насчет гипноза просто сболтнул и не вернется к этой мысли, не станет настаивать.

Назавтра у партнера был выходной. Он всегда старался хотя бы один день в неделю, понедельник, расслабиться: в субботу и в воскресенье у него на приеме, наоборот, самый лом народу.

В качестве алаверды Варе ко вчерашнему «чушке берека» Данилов встал пораньше, с утра нажарил сырников. Кофе принес в постель.

А потом напомнил о своем вчерашнем предложении.

– Ты же обещал, – попыталась отбиться она, – что никогда не станешь в моих мозгах копать.

– Так сейчас ни в коем случае не «копать»! – искренне изумился партнер. – Я не стану тебя зондировать, просвечи-

вать. Наоборот, помогу вспомнить нечто, тобою утраченное.

– А если я такое припомню, что сама хотела забыть?

– Кому от этого худо будет?

– Мне.

– Тогда, уверяю тебя, ты не станешь этого вспоминать.

Короче говоря, убедил, уболтал.

Усадил Варвару на старинный отцовский кожаный диван советского образца. Принес пуфик, чтобы ноги вытянуть. Пледом прикрыл. Запахнул шторы и затворил окна, чтоб поменьше доносилось городского шума. Сел напротив.

Даже не стал никаких пассов руками делать или заставлять на шарик металлический смотреть, просто отсчитал от десяти до нуля – она и улетела.

Сначала ей привиделось то самое дело, чернильный штамп на обложке: ПРИОСТАНОВЛЕНО. Но теперь вспомнилось, что внутри. Успевшие пожелтеть листы – качество писчей бумаги в 1993-м было неважным. Вот схема ДТП, тщательно вырисованная с линейкой на тетрадном листе в клетку... Протокол осмотра места происшествия, протокол опроса свидетеля, протокол патологоанатомической экспертизы... Фотографии – ужасные: искореженной машины, тело отца, тело мамы... Наверное, именно эти кадры она подсознательно хотела вычеркнуть из памяти... И в итоге забыла вообще все.

А теперь, в июле двадцать второго, ей стали видны перед внутренним взором мельчайшие завитки шариковой руч-

ки в быстрой и грамотной скорописи дознавателя, инспектора ДПС ГАИ УМВД по Московской области старшего лейтенанта милиции Плачкина Г.М. (согласно протоколу): «20 августа 1993 года примерно в 20.45 (время установлено со слов свидетеля, гр-на Капустяна М.Ф.) водитель т/с ГАЗ-3102 госномер 48–07 МОС, следуя по автодороге между населенными пунктами Пучково и Пафнутьево, не справился с управлением, допустив выезд с автодорожного полотна и последующее столкновение с неподвижным препятствием... **ОСМОТРОМ УСТАНОВЛЕНО:** проезжая часть горизонтальная, без уклона... состояние покрытия сухое... дорожное покрытие для двух направлений шириной 6,7 метра. На проезжей части нанесена дорожная разметка, к проезжей части примыкает обочина, за обочиной лесная зона с отдельно стоящими высокими деревьями...» А вот дальше то, что ей тогда, в начале нулевых, показалось самым существенным: «Положение рычагов ручного тормоза и переключения передач: 4-я передача... Рабочей тормозной системы: без видимых отклонений... Состояние видимости: не ограничено...» И вот – основное! – «следов экстренного торможения не обнаружено».

И дальше – схема ДТП: дорога изгибается примерно под углом градусов шестьдесят. На обочине нарисован знак: впереди крутой поворот. А отцовская машина будто продолжила движение по прямой, не заметив его. И на расстоянии метров десяти от центра дороги влетела в отдельно стоящую

сосну...

В какой-то миг (наверное, Алеша с его сверхспособностями и впрямь волшебник) Варя словно увидела все происшедшее тогда. Будто воспарила надо всем: летней дорогой девяносто третьего года, папкой с пожелтевшими страницами, знакомой и любимой «волжанкой». Разглядела тот самый момент: машина жмет на высокой скорости, наверное, километров сто, а то и больше – отец всегда любил быструю езду, упивался ею. Но вот время тормозить, не случайно знак на обочине «Крутой поворот», однако авто несется дальше... Вот сейчас! Тут еще не поздно! Надо нажать на тормоз! Отжать сцепление, перебросить на третью передачу! Но нет! «Волга» летит дальше. Не вписывается в поворот. Выскакивает на обочину. И через секунду на всей своей ужасной скорости – более ста! – ударяется в сосну.

Что там было с ними, с мамой, с отцом? Наверное, Алеша щадит ее. А может, Варино собственное подсознание не пропускает внутрь себя эти картины: как отца бросило вперед, на руль, а тяжелый движок, остановленный в своем движении деревом, стал вминаться в салон – в ее папу и маму.

Но она не видела и того, что произошло внутри машины в минуты, предшествующие катастрофе. Почему отец не тормозил? Что с ним случилось? Потерял сознание? Мгновенный инфаркт, инсульт? Заснул за рулем? Фатально отвлекся?

А может, кто-то испортил тормоза?

Или снайпер, засевший где-нибудь на обочине, выстрелил в водителя?

Или его отравили?

Но если имелся злой умысел, почему экспертизы, которые последовали, не нашли его следов?

Она тогда читала: вот специализированная экспертиза транспортного средства, вот патолого-анатомическая... Даже промелькнула мысль: а может, Петренко науськал ее на это дело, чтобы она, проглядев протоколы исследования *собственных родителей*, не боялась и не стремалась в работе больше ничего?

Но главное – это она помнила безо всякого гипноза – никаких посторонних воздействий на отца или на машину экспертизы не обнаружили.

Оказалась в полной исправности тормозная система.

В теле водителя не нашлось ни пули, ни алкоголя, ни иных токсических веществ.

Просто ни с того ни с сего, необъяснимо, машина ГАЗ-3102, номер 48–07 МОС, вдруг вылетает с подмосковной дороги между поселками Пучково и Пафнутьево.

И ведь она тогда, поздней весной две тысячи первого года, с экспертом встречалась, который в августе девяносто третьего вскрытие родителей проводил. И сейчас, под гипнотическим воздействием Алеши, вспомнила тот самый день.

Эксперт к две тысячи первому году успел выйти в отставку. Проживал на даче, куда Варю и пригласил.

Дача находилась бог знает где, за Черноголовкой, чуть не под Киржачом. По дороге туда у Вари сломалась машина – в старой «шестере» со стотысячным пробегом то и дело что-то отказывало. В тот раз она сцепила зубы, сама открыла капот, и...

«Можешь себе представить, Данилов, я определила, в чем дело, – говорю же, меня папа как мальчика воспитывал и разбираться в технике учил! Слетела крышка трамблера. Боже ты мой, я еще помню такую древность, как трамблер. И про карбюратор тоже! Мне самой удалось тогда устранить неисправность! Это был первый лимузин, мной исправленный! И последний, наверно. Потом иномарки начались. А в тот раз винтик, которым крышка крепилась к устройству, куда-то улетел, и я приспособила вместо него канцелярскую скрепку! От какого-то договора для своего «Ритма-21». Представляешь, Данилов, я сама, своими руками, машину починила!»

– Я тоже красную «копейку» сам в молодости чинил. И «москвичок» ремонтировал – тот, на котором в прошлом ездил, морковного цвета. Не отвлекайся.

Варя, воодушевленная, доехала тогда до эксперта, но опоздала часа на два. Сотовый телефон в ту пору у нее появился, но сломалась она в чертовой дыре, где мобильник не брал, а потом, когда наконец починилась и поехала, стыдно стало звонить. Ее и не ждали, наверное.

День был субботним, и эксперт по такому случаю успел

принять рюмку-другую. От него отчетливо пахло.

Варю тоже приглашали разделить застолье. Эксперт – а ему за шестьдесят было – немедленно сделал на нее стойку. Тогда на Варю мужчины в возрасте страсть как западали. Да и молодые тоже. Впрочем, сейчас она тоже не страдала от отсутствия внимания. Но нынче немного укатали крутые горки, а тогда она была юна, свежа, кровь с молоком, здоровьем так и дышало ее крепкое тело.

Эксперт оказался (как сейчас под воздействием Данилова вспоминается) в целом неплох: статный, голубоглазый. Портит его седая эспаньолка – когда-то, видимо, ухоженная, но к пенсии запущенная, а также красное лицо регулярно пьющего человека и масляный взгляд опытного ходока.

Глаз его при виде Вари немедленно загорелся, даром что седой и морщинистый товарищ, в дедушки Кононовой годился. Слава богу, жена его оказалась дома, ревниво за супругом с террасы посматривала, то и дело на крыльцо выходила, беседу их прерывала явно надуманными хозяйственными вопросами.

Звали эксперта, такое странное оказалось сочетание имени-отчества, Аркадий Евстафьевич, фамилия Самодуров. А кличку Варя ему про себя дала (воспользовавшись методом Петренко, с которым тот ее успел познакомиться) Устарелый Ловелас.

«Сколько всего вспоминается с Алешиной помощью!»

Самодуров, невзирая на явную мужскую заинтересован-

ность (а может, и благодаря ей, чтоб значимость свою показать), потребовал у визитерши удостоверение. Варя достала то, где она значилась лейтенантом ФСБ. Бывший эксперт внимательно изучил его, чуть не обнюхал. И только потом стал рассказывать.

Разместились они во дворе, под яблоней, за врытым в землю столиком с двумя лавочками, друг напротив друга.

– Значит, вы Кононова? – спросил Устарелый Ловелас, цепким глазом лицо и фигуру девушки осматривая (и особенно задерживаясь на богатой груди). – Родственница тех, кто пострадал в тот день?

– А вы помните фамилии погибших? – поразилась она. – Да, я дочь.

– Не каждый день в автоаварии гибнет генерал-майор. Что конкретно вас интересует?

– Все. А главное: имелись ли признаки, что на водителя... на моего отца кто-то или что-то перед смертью воздействовал, в результате чего он совершил ДТП?

– В случае если бы мы отыскиали следы подобного воздействия, – внушительно проговорил эксперт, – дело переквалифицировали бы по статье «Убийство». Но так как подобного не произошло, следует сделать вывод, что ничего подозрительного мы в результате вскрытия не обнаружили.

– А что вы искали?

– А все мы искали. Следы токсинов в организме, алкоголя. Входное отверстие пули. Ничего подобного или другого

настораживающего мы не обнаружили.

– Может, с папой случился внезапный инфаркт? Или инсульт?

– Нет. Вскрытие показало: никаких признаков инфаркта или инсульта. Насколько возможно судить, покойный в момент гибели был плюс-минус здоров.

– Как вы объяснили произошедшее? Для себя самого?

– Мы даже исследовали, – не отвечая на Варин поспешный вопрос, продолжал вещать Аркадий Евстафьевич, – не случилось ли ослепление водителя солнцем? Но оказалось, нет, солнце стояло в другой стороне.

– Может, через зеркало ослепило?

– И это проверяли. Нет.

– Так почему их машина слетела с дороги?

– По статистике, – продолжал величественно разливаться отставник, – причины около десяти процентов дорожно-транспортных происшествий со смертельным исходом объяснить невозможно. К примеру, в салон автомобиля залетела пчела или оса и ужалила водителя. Или просто попала ему в глаз. Вот вам и причина.

– А вы увидели свежий укус на теле водителя? – быстро переспросила девушка. – Или след от удара насекомого о роговицу глаза?

– Нет, но я говорю для примера. Возможно ведь тривиальное: водитель заснул за рулем. Или просто невнимательность. Фатально отвлекся. Может случиться подобное?

Ехал вечером, в пятницу, после напряженной рабочей недели, по службе на дачу. Вот и результат.

На крыльцо в очередной раз выглянула жена: полненькая низкорослая дама в старинном кримпленовом брючном костюме по моде семидесятых годов минувшего века. Перебила:

– Аркаша! Сифон все равно течет.

– Нина! Я ведь сказал, посмотрю, – не оглядываясь на су-пругу, отмахнулся отставной эксперт и продолжил вещать, адресуясь к Варе.

Все-таки она тогда совсем молоденькой была, приучилась за школьные и университетские годы *слушать старших* – и в самом буквальном смысле, то есть не перебивать их. А тут перед ней сидел настоящий аксакал и разливался:

– Бывает, что водитель совершает за рулем совершенно непостижимые поступки. К примеру – я тоже в тот раз выступал в качестве эксперта, потому что дело, увы, завершилось смертельным исходом, – водитель выезжает со второй-степенной дороги на главную, где движение одностороннее, но едет не направо, в попутном направлении, как положено, а налево, сразу по встречной, и буквально сталкивается с фурой лоб в лоб. Или другой случай: товарищ, как сейчас помню, на «Пежо» неожиданно на автодороге из правого ряда сначала перестраивается влево, потом уверенно пересекает двойную сплошную, пытается развернуться через поток встречного движения – и тоже погибает под колесами тяже-

ло груженного грузовика. «Есть многое в природе, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам»³, – закончил он высокопарной цитатой, а потом заговорщически наклонился к девушке и, понизив голос, быстро-быстро проговорил, выдыхая алкогольные пары: – Я вам о множестве необычных случаев из практики смогу рассказать и показать интересные места в Москве и Подмосковье, если вы только согласитесь со мной встретиться, к примеру, завтра вечером?

– Идите, Аркадий Евстафьевич, – с легчайшей усмешливостью отбрила девушка, – вас супруга ждет, сифон чинить.

«Вот так, Алеша, у нас и закончилась та встреча. Вдобавок я договорилась о встрече с экспертом, который оценивал техническое состояние папиного автомобиля. Но произошло непредвиденное. Нас, меня и Петренко, вызвал Марголин, подпольная кличка Козел Винторогий. Он тогда был замначальника *комиссии* и полковником, большая для меня шишка, да и для Петренко, который в ту пору носил капитанские погоны, тоже. И сказал, строго сверля меня глазами:

– Вы чем занимаетесь, используя документы оперативного сотрудника?

– Выполняю задания капитана Петренко.

– А еще?

– Работаю в фирме прикрытия «Ритм-21».

– И только?

Петренко незаметно сделал ей знак: мол, признавайся.

---

³ У. Шекспир, «Гамлет», в переводе М. Вронченко.

Варя выдохнула:

– Пытаюсь расследовать смерть своих родителей. Они погибли в автокатастрофе в августе девяносто третьего года.

– Кто вам поручил заниматься этим?

– Никто. Это моя собственная инициатива.

– Официально в каком состоянии находится дело об их гибели?

– Оно приостановлено производством в главной военной прокуратуре.

– У вас появились новые данные, которые дали бы основания для возобновления производства?

– Никак нет.

– Ну так и чего вы лезете, Варвара, как вас, Игоревна? – начал возвышать голос и краснеть лицом Козел Винторогий. – Что нос суετε в совершенно не относящиеся к вам материи?! Почему вы, без году неделя в *комиссии*, сразу начинаете с того, что злоупотребляете своим служебным положением?! Почему не сидите на попе ровно? Я строго запрещаю вам в дальнейшем касаться этого дела, поняли меня?!

«А когда я, почти в слезах, выскочила из его кабинета и мы с Петренко шли по коридору назад в отдел – он тоже выглядел смущенным, я это заметила, – он сказал мне: «Придется, Варя, все бросить».

– Даже странно, – сказал тогда Петренко, – откуда Марголин узнал о твоём интересе и почему его это так взбесило. Но ничего не поделаешь, приказ начальника – закон

для подчиненного. Придется нам дело о гибели твоих родителей оставить. Если он вдруг узнает, что ты им все равно занимаешься, последствия могут быть самыми плачевными, вплоть до увольнения из рядов с позором.

«Вот так я и бросила тогда заниматься смертью мамочки и папочки. А потом меня послали на юг, в Абрикосовку и Суджук, расследовать дело о нападении гигантских ос, я уехала, там закрутилась. А потом другое, третье... Да не только в том дело! Марголин в комиссии оставался и почти все время являлся нашим с Петренко начальником, и я никак не могла поперек него пойти».

– Сейчас ты свободный человек, – сказал Данилов – сегодня, в июле двадцать второго года. – И никто, никакой Марголин, не сможет тебе помешать.

– Так ведь сколько времени с тех пор прошло, почти тридцать лет, – вздохнула Кононова.

– Как пелось в советской песне из моего детства: «Ничто на земле не проходит бесследно»⁴. Я верю в тебя, Варвара Игоревна! И знаешь, по-моему, пора рассмотреть тебе семейный архив, старые фотки, записи.

– Думаешь?

– Я уверен. И побывать на месте происшествия. А также там, где твои мама с отцом служили. И на дачу вашу старую наконец проехать – вдруг там какие-то заметки остались.

– Гениально, Ватсон, – пробормотала Варя. – Тем более

---

⁴ Стихи Н. Добронравова.

что все три точки в одних краях: и бывшая работа родителей, и дача, и место ДТП. Они ведь в тот день, когда разбились, со службы ехали к нам с бабушкой в дачный домик. А мы их ждали – да так и не дождались.

На глазах у Вари выступили слезы. Алеша подошел к ней и нежно обнял.

Они немедленно собрались и отправились в гараж за машиной. Тем более что давно собирались навестить старую родительскую дачу. А два других места – и то, где отец с мамой работали, и то, где погибли, – находились по пути, если небольшой крюк сделать.

Мать с отцом служили в Первушино. Это название постоянно в их разговорах возникало. И бабушка тоже подхватывала, и маленькая Варя.

«Мы едем в Первушино».

«Из Первушино – сразу на дачу».

«В Первушино я завтра не поеду, есть дела в Москве...»

Отец всегда мотался сам за рулем. Хотя по штату ему (Варя, когда выросла, задним числом стала понимать) полагалась «Волга» персональная, с личным шофером. Но отец манкировал.

Может, когда б не держал фасон, не рулил самостоятельно, а ездил, как все начальники, с водителем – живой бы остался?

Хотя если его хотели погубить – а Варе почему-то казалось, что это так, – подобрались бы иным манером.

Данилов тоже любил водить. Сели в машину, построили маршрут. Выходило неподалеку друг от друга: сперва, километрах в пятнадцати от Кольцевой – Первушино. Потом – Варя вспомнила по протоколам – место, где папа с мамой погибли: еще километров двадцать вглубь области. И наконец, самая дальняя точка: дача, где они лет пять не бывали.

По понедельникам Данилов, как он любил говорить, перезаряжал батарейки. Пронестись на машине в понятие «перезарядка» входило. Вдобавок в первый день недели движение всегда свободнее: народ опасается за руль садиться после пьяных выходных.

Они быстро домчали до Первушино.

Варя хорошо помнила из детства, как выглядел «объект»: надо свернуть с шоссе на асфальтовую дорогу через лес, и километров через пять уткнешься в бетонный забор и проходную. А там, за оградой, виднеется корпус института. Внутри ее никогда не брали. Но к проходной они подъезжали – мама, бывало, за рулем, подвозила на «Волге» отца, а потом они с Варей ехали по своим делам.

И вот теперь, в две тысячи двадцать втором году, они с Даниловым несутся по той дороге-аппендиксу, отходящей от основной трассы, и Варя радуется, какое полотно ровное да свежая разметочка. А потом упираются – нет, не в бетонный забор и проходную, охраняемую солдатами. Да – забор имеется, есть и КПП. Только совсем иное все, не военное, никакого отношения к Министерству обороны не име-

ющее.

Ограда новая, металлическая. Резные ворота настежь распахнуты. За ними – шлагбаум, а дальше виднеется ряд разнокалиберных домов – особняки, двух-, трехэтажные – и участки, на которых, в соответствии с планами ландшафтных дизайнеров, произрастают туи, сосны да карликовые березы. А по верху кованых ворот – кованая щегольская надпись с вензелями: «Коттеджный поселок Первушино».

Они припарковались на площадке у ворот, вышли размять ноги.

– Все переменялось до неузнаваемости... – пробормотала Варя.

– Может, в том и цель была? – предположил Данилов. – Погубить твоего отца, директора, чтобы институт, беззащитный без него, прикрыть. А затем землю под ним прихватизировать, коттеджей настроить?

Кононова отрицательно помотала головой.

– Я приезжала сюда, когда в универе училась. В конце девяностых, лет через семь после папиной гибели... Здесь полное запустение царило. Заброшенный корпус, все ободрано, даже рамы с окон поснимали, двери утащили, косяки отодрали. Разбитая плитка, и ни единого следа, чем институт занимался: ни колбочки, ни пробирочки, ни какого-нибудь документика. С приватизацией земли подсуетились сильно позже.

– Поедем дальше.

Данилов распахнул перед ней пассажирскую дверцу.

Минут через двадцать навигатор привел их к точке, где закончился земной путь Вариных родителей. Она никогда на этом месте не бывала и теперь нашла его только потому, что благодаря Данилову вспомнила давешний протокол и описание, где случилось ДТП.

Остановились на обочине. Несомненно, то самое место. Дорога делает крутой поворот направо. Теперь обочина ограждена металлическим барьером, по нему тянутся отражающие катафоты и красные значки, обозначающие крутой поворот. Неизвестно, то ли после катастрофы облагородили трассу, то ли дошел до нее черед по программе улучшения автодорог.

Поле вдоль трассы заросло беспорядочным подлеском. Сосны, стоявшие за ним, равнодушно-печально помахивали ветвями. Варе показалось, что на одной из них она даже видит следы когда-то врезавшегося в нее автомобиля. Глаза ее наполнились слезами.

– Ах, Варька, что ж ты душу себе бредишь! – воскликнул Алеша, почувствовавший ее настроение. Он ласково обнял ее и потрепал по плечу.

– Поехали дальше, – сказала она сквозь комок в горле и утерла слезы.

Данилов усадил ее, устроился за рулем. Резко нажал на газ, сорвался от обочины.

– Скажи, – спросил он деловитым тоном, стараясь отвлечь

подругу от печальных размышлений, – тогда, в две тысячи первом году, тебе запретили вести расследование о смерти родителей вышестоящие начальники, правильно?

– Так точно, – вздохнула девушка.

– А потом? Ты забросила это дело?

Ей почудился упрек в его словах, и Варя попыталась если не оправдаться, то объяснить:

– Понимаешь, я военнотружущая была. Подобные разыскания должна с начальством согласовывать. И я несколько раз спрашивала. Петренко обычно, с промежутком в два-три года примерно. «Можно?» И мне всякий раз отвечали, категорически: «Нет».

Алексей подумал, что это заставляет заподозрить неладное, но озвучивать свою мысль не стал. Перевел разговор:

– А откуда у родителей взялась та дача, куда мы едем?

– Наверное, отцу по работе дали. Он все-таки генерал был и начальник.

– А вокруг там кто проживает? На соседних участках? Его сослуживцы? Я к тому, может, они с папенькой твоим работали? Что-то про него помнят, знают?

– Хороший вопрос, Данилов! Вот только я совсем не уверена, что они дачи от института получали. Не припомню, чтобы отец с соседями водился и кто-то из них у нас в доме бывал. В городскую квартиру институтские приходили, неоднократно... Но спросить надо, конечно.

– А как дачный кооператив называется?

– Не «За здоровый мозг», – фыркнула Кононова, – как можно подумать из названия отцовского института. Просто и скромно: «Пятилетка».

Вскоре подрулили к искомому забору.

Все на участке, доставшемся Варе в наследство, пребывало в запустении. Сорная трава по пояс. Опавшие и никем не прибранные груши. Бессмысленно наливающиеся зрелым соком яблоки. Заросшие кусты выродившейся смородины.

Одна радость: участок огромный, просторный – двадцать пять соток. Посреди – старый дом, построенный в давние советские времена, при нехватке всего и вся. (Генералов дефициты тоже касались, как всех граждан, только в меньшей степени.) Огромная веранда из самодельных переплетов, выкрашенная желтой краской, уже изрядно облупившейся. Вара помнила отголоски из детства: не смогли достать зеленой краски или хотя бы синей, как хотели, вот и окрасили желтым. Родители совсем неумелыми были по части дефицитного. Получали венгерских мороженных кур и гречку в «академических» заказах, и то хорошо.

В кухоньке – печка-буржуйка да меблировка из старой квартиры. Разномастные чашки, тарелки. Матушка небольшая любительница была вести хозяйство, да и бабушка тоже.

Две крохотные комнаты. В одной обычно в течение всего лета помещалась бабуля. В ней даже сохранился, кажется, ее запах.

Во второй на огромной продавленной тахте (тоже из ста-

рой московской квартиры) спали, когда приезжали, отец-генерал и мама. Когда их не стало, комната пустовала, сюда укладывали припозднившихся Вариных гостей.

А сама она любила почивать на веранде. Оттуда так прикольну было в окно вылезать, когда бабушка уснет, и отправляться покурить куда-нибудь к бане, а то и вовсе мчаться на свидание с курсантом мореходки Ленчиком.

И все покрыто толстенным, чуть не в палец, слоем пыли.

– Слава богу, пока мы с тобой в эмпиреях витали, дачу твою лихие люди не разграбили.

– За ней присматривают. Надо, кстати, зайти, спасибо сказать.

– Заодно узнай, нет ли здесь сослуживцев отца-матери. А я пока посмотрю: может, найдутся какие-то записи интересные, документы. Авторизируешь меня на поиски?

– Конечно. У меня от тебя тайн нет.

Хотя имелся у нее от него, конечно, один большой секрет.

Но о нем никаких документальных свидетельств не сохранилось. Только ее память.

Данилов стал рыться в бумажных богатствах. В самой большой, «родительской» комнате имелся старый книжный шкаф. В нем несколько случайных книг и бесконечные ряды журналов – перестроечное богатство: «Новый мир», «Иностранка», «Знамя». Года всё самые лакомые: восемьдесят седьмой, восемьдесят восьмой, восемьдесят девятый. К девяносто первому подборки истончились, в девяносто втором

исчезли вовсе: наступали лихие времена, не до чтения стало генеральской семье, одна мысль – выжить.

Но ни рукописных листочков, ни документов. Да и сомнительно, чтобы начальник секретного института Минобороны какие-то записи в частном порядке вел.

Варя позвонила тем временем в соседскую калитку. Раздался лай двух собак, и ей отворила дама лет семидесяти с седым ежиком на голове. Присмотрелась, близоруко щурясь, пропела:

– Батюшки-святые! Варюшка! Да ты ли это?

– Я, я, тетя Лина. Вот, подарочек вам привезла.

Данилов как знал: надоумил с утра захватить коробку конфет, которая валялась в числе подарков, принесенных Петренко в госпиталь.

– Сколько ж времени я тебя не видела! Лет пять? Семь?

– Да я, тетя Лина, за границей работала, в Америке, – легко соврала девушка. – Спасибо, что за дачкой нашей приглядывали. Теперь, надеюсь, мы здесь чаще бывать будем.

– Да ты у нас замуж не вышла ль?

– Пока нет, тетя Лина. Но парень имеется.

– Из наших? Или американца привезла?

– Из наших, из наших. – И подумала мельком: «Хотя он такой бывает загадочный, что, может, с американцем проще было бы. Но спросила соседку о другом, о том, о чем Данилов надоумливал: – А есть ли тут, на дачах, кто-нибудь, кто с моими родителями работал?»

– С родителями? Мы точно нет. А зачем вдруг тебе?

– Да вот, воспоминания о них собираю, – снова приврала девушка. – Может, издам когда-нибудь за свой счет.

– Мы с ними только как соседи контактировали. Да у нас в товариществе вряд ли кто был из их института. У нас ведь кооператив от завода имени Войкова, образовался в сорок шестом году, сразу после войны. И участок, ваш который, принадлежал Огольяновым. А потом, когда он умер, дочка его родителям твоим продала. Но это в семидесятые было или в начале восьмидесятых, до перестройки.

– А я думала, отцу от Министерства обороны участок дали.

– О нет, к военным наше товарищество никогда никакого отношения не имело.

Вот и ушла Варя от соседки несолоно хлебавши – правда, рассыпавшись в благодарностях, что та за участком присматривает.

А в домике ее встретил торжествующий Данилов.

– Смотри, Варвара, что я нашел!

Он протянул огромную, одиннадцатого формата, девяностошестистраничную тетрадь в дерматиновом переплете.

– Что это?

– По-моему, дневник твоего папеньки.

– Да ты что!

– Валялся в стопке газет рядом с буржуйкой, для растопки. Хотя смотри: тут недвусмысленное указание.

На черную обложку тетради оказался наклеен рисунок: веселенький красный костерок, категорически перечеркнутый двумя запретными прямыми крест-накрест. То есть ясное указание: в печке не жечь!

Варя схватила тетрадь, распахнула на первой же пожелтой странице и увидела до боли знакомый почерк отца: красивые, мелкие, ровные чернильные буквы человека, учившегося чистописанию в те баснословные времена, когда ученики обмакивали тонкие перышки в чернильницу и тренировали нажимы и росчерки.

– Ух ты!

Она захлеб прочитала самое первое:

«3 сентября 1968 года. Сегодня произошло событие, которое, возможно, окажет непосредственное и весьма существенное влияние на мою дальнейшую судьбу, и далеко не в лучшую сторону...»

Вот это да! Шестьдесят восьмой год. Папочке – двадцать два. Тогда он, кажется, не работал в институте. Был студентом? Или аспирантом?

Она оторвалась от начала, пролистала всю тетрадь. Та оказалась заполнена примерно на три четверти. Мелькали записи разными чернилами, разной длины. Ближе к концу идеальный почерк родителя ощутимо испортился.

Почти все заметки датированы. Но года мелькают самые разные. 1972, 1973, потом 1978, 1981, 1985... Папочка, судя по всему, вел свой журнал крайне нерегулярно.

Она заглянула в самый конец – последняя запись от июля 1993 года – не август, когда папа погиб, а на месяц раньше. Значит, намеков о том, что его погубило, ждать не приходится?

Последние строчки, написанные в июле девяносто третьего, гласили: «Был на приеме в МО. (Министерство обороны, смекнула Варя.) На самом (возможном для меня) верху. Что ж, увы, увы. Боюсь, ничего хорошего наш институт не ждет. Нам в итоге не выделили ни-че-го. Нечем платить зарплату сотрудникам, кормить-поить контингент, не выделили даже ни единого одноразового шприца для инъекций. Впрочем, препаратов для них нам тоже не выделили. Как и банального спирту – протирать испытуемым место укола».

И тут записки обрывались навсегда. До гибели папы оставался месяц.

Сразу мелькнула мысль: «А вдруг папочкина смерть – самоубийство? Доведенный до отчаяния крахом дела своей жизни, отец решил самостоятельно свести с нею счеты? Но при этом он что же, забрал с собой мамулю? И бросил на произвол судьбы маленькую меня? Нет, нет и нет! Папа так поступить не мог».

Данилов смотрел с мягкой улыбкой, как Варя накинута на отцовскую тетрадь. Она оторвалась от нее, воскликнула: – Лешик, ты гений! – И принялась целовать партнера.

В итоге они не стали заниматься дачей, наводить тут порядок. «Дом подождет! – наложила вердикт Варвара. – Ждал

пять лет и еще потерпит». Очень Кононовой не терпелось взяться за отцовский дневник.

Только чайник с чашками отмыла. Они выпили цейлонского с бутербродами, которые Варя предусмотрительно захватила, и помчались назад в Москву.

– Я одного не могу понять, – спросил по дороге задумчивый Данилов. – Дневник пролежал в стопке газет почти тридцать лет! Почему вы с бабушкой его не отыскиали за это время?!

– Да ничего удивительного. Бабушка дачу, как и вообще жизнь деревенскую, не слишком жаловала. Когда я маленькая была, она сюда по обязанности таскалась, чтобы ребенок, как говорится, на воздухе летом был. А потом, когда родителей не стало, мы с бабулей на дачу ездить перестали. Она была городская до мозга костей, а мне эти места слишком о родителях напоминали да об их смерти. Приезжали раза два-три за сезон, по обязанности: проверить, как все тут, не разграбили? Обычно когда маму с папой на кладбище навещали – в принципе, по дороге. А осенью-зимой вообще ни разу не бывали, поэтому печку не топили.

– А когда ты студенткой стала, почему одна или с друзьями не ездила? Милое дело – пустая дача для гульбы!

– А я ведь не гуленой была. Росла скорее ботанического склада. И компании у меня особой не имелось. Пара подружек, и все.

– А молодые люди? – лукаво переспросил Алеша. Чуть

не впервые с тех пор, как они начали встречаться, заговорил о тех, кто был с нею раньше.

Варя нахмурилась. Ей не слишком приятно было вспоминать своих бывших. Но в голосе возлюбленного не слышалась ревность или досада, разве что искреннее любопытство. И она раздумчиво пояснила:

– Парней у меня немного водилось. Раз-два да обчелся. И в голову не приходило их на свою старую дачу тащить. Как-то неприятно было, стыдно: там ведь сначала прибраться как следует надо или вообще ремонт сделать, а потом гостей водить. Мне всегда хотелось более праздничной обстановки, с мальчиками тоже. Да и они были местами для встреч обеспечены... – Сразу в голове мелькнул образ: роскошная квартира на Патриарших, высокие потолки и вид на пруд, роскошный сексодром с черными простынями и зеркалом на потолке и ее партнер – бесстыдный, голый, красивый. Она мотнула головой, и непрошеное воспоминание исчезло. Варя закруглила разговор: – Вот так и простояла наша дача тридцать лет практически не востребуемая.

– А бабушка твоя? – спросил возлюбленный и заключил лукаво: – Это та самая, которую я знаю по прошлому? Да очень близко?⁵

---

⁵ Подробное объяснение этой коллизии содержится в романах Анны и Сергея Литвиновых «Успеть изменить до рассвета» и «Завтра может не быть». В прошлом – в 1958 году – сущность Вари переселилась в тело ее бабушки по материнской линии, Варвары Семуговой. Данилов, пребывая в теле собственного отца, состоял тогда, в прошлом, в конце пятидесятых годов, с нею в интимных от-

– Нет! Та – по маминой линии, Семугова. Она очень деловая была, карьеру всю дорогу строила.

– Это я помню, – усмехнулся Данилов.

– А жили мы, – продолжила Варя, – с папиной мамой, бабушкой Настей: Кононовой Анастасией Ивановной. Она меня, в сущности, и воспитывала, и холила. Да и не стало ее совсем недавно, в двенадцатом году.

Совместное уединение в машине способствует семейным разговорам – психологи советуют именно в такой диспозиции отношения выяснять. Вот и у Вари с Даниловым беседа по дороге в Москву получилась спокойной и душевной.

Навстречу, в область, пухли и полнились вечерние пробки, а они в противоположном направлении летели в центр, как звезды.

А дома Варя уединилась в спальне и принялась читать отцовские заметки подряд, с начала до конца. И самые первые записи оказались драматичнейшими! После преамбулы о «событии, которое повернет мою судьбу, возможно, в худшую сторону» третьего сентября шестьдесят восьмого года отец написал: «После происшедшего сегодня Илья Александрович сказал, что «я сам себе непоправимо испортил жизнь» и «подписал приговор». И добавил, что за последствия он не ручается, но они окажутся для меня очень и очень печальными. Дай бог, заметил, чтобы все обошлось отчислением из аспирантуры и исключением из комсомола,

а не тюремным сроком. Но по порядку. На кафедре сегодня проводили открытое партийно-комсомольское собрание. Тема: оказание интернациональной помощи братскому чехословацкому народу».

Варя оторвалась от чтения, открыла телефон и запросила поисковик, чтобы освежить память. Так и есть: двадцать первого августа шестьдесят восьмого года советские войска вторглись в Чехословакию – Брежневу и другим верным ленинцам показались подозрительными реформы, которые стало проводить руководство этой социалистической страны.

Как раз 21 августа произошло вторжение, первого сентября начался учебный год, съехались студенты и аспиранты. Значит, третьего настало время советским учащимся высшей школы откликнуться на событие, поставить галочку. Это и отец прекрасно понимал:

«Обычное протокольное мероприятие, лишь бы отчитаться перед парткомом и райкомом. Один за другим на кафедру выходили назначенные ораторы: замзавкафедрой Борис Исаакович Зорянов (сам завкафедрой решил не мараться, увильнул от выступления, но в президиуме, как положено, сидел). Потом пошли речи в поддержку, по старшинству: секретарь партбюро, председатель профкома, секретарь комитета комсомола – мерзейший Вова Мочков. По бумажке они бубнили примерно идентичный текст, передраный из передовиц «Правды». В их речах мелькали: «угро-

за социалистическому строю», «контрреволюционные силы», «сговор со враждебными социализму внешними врагами». Но страны Варшавского договора и Советский Союз проявили бдительность и дальновидность и, вуаля, «в полном соответствии с правом на индивидуальную и коллективную оборону оказали интернациональную помощь братскому чехословацкому народу». Выступавшие отдолдонили свое, собрание благополучно катилось к запланированному финишу, но тут секретарь партбюро убогий доцент Паршиков дежурно спросил, имеются ли у собравшихся вопросы. И тут... Не знаю, какая шлея попала мне под хвост, видит ведь бог, я не собирался ничего квакать, планировал отсидеться, как обычно, да и побежать спокойно домой, но... Прекрасная... (*имя замазано чернилами*) на меня так, что ли, подействовала? Перед ней захотелось выставиться? Или просто отказали вдруг тормоза, как бывает у человека после литра выпитого, – но я, разумеется, ни грамма в рот перед собранием не брал, только сейчас оскоромился – глубокой ночью, дома, наедине с дневником... Короче, я встал и задал свой вопрос – который, если честно, звучал достаточно риторически, а потому, наверное, мог быть засчитан в худшем случае как отдельное провокационное выступление. Итак, я поднял руку и, когда мне дали слово, поднялся и сказал (передаю в кратком изложении). Не могу понять, промолвил я, зачем нам, могучему Советскому Союзу, понадобилось вводить войска в Чехословакию? У нас что, мало

своих дел здесь, на Родине? И почему мы должны быть каждой бочке затычкой? (Прямо так я не выразился, попытался сформулировать более пристойно, но смысл такой.) Неужели чехословацкие товарищи сами, без нашей помощи, не могли разобраться со своей собственной страной?

...(замарано), надо отдать ей должное (она сидела рядом), на протяжении моей речи пыталась меня утихомирить, дергала за полу пиджака, старалась усадить на место и всячески шипела.

Спич мой имел определенный эффект. Народ заволновался, зашумел, стал на меня оглядываться. Но сразу, как я умолк, немедленно вскочил секретарь парткома Паршиков и высказался в том смысле, что мы целиком и полностью отменяем выступление молодого товарища Кононова как идейно незрелое и непродуманное. «Зарубежные силы, – цитирую почти дословно, – из подрывных центров стран НАТО пытались вырвать из славной семьи социалистических народов любимую дочь, братскую Чехословакию. И будьте уверены: если бы коммунисты Советского Союза и здоровые силы стран Варшавского договора не проявили бдительность и принципиальность, уже сегодня танки бундесвера и других стран агрессивного блока НАТО стояли в километре от наших границ, непосредственно угрожая Львову и Киеву. И если вы, Кононов, этого не понимаете, надо сидеть и не вякать!»

После того как я получил от него сию «достойную отпо-

ведь», он предложил голосовать за принятие резолюции – разумеется, с горячим одобрением ввода войск на территорию Чехословакии. Голосовали «за», я чуть промедлил поднять руку, но получил от ... удар по ребрам такой силы, что немедленно потянул вверх свою длань».

Как интересно, подумала Варя, кто эта замаранная впоследствии в дневнике особа? Вряд ли она может быть моей мамочкой, той в шестьдесят восьмом лет семь исполнилось, подобных крох на кафедральные собрания явно не приглашали.

«А потом, – продолжала читать Варя, – когда собрание закончилось, я, не говоря ни с кем, отправился к выходу из корпуса – но тут меня нагоняет, вся запыхавшаяся, секретарша завкафедрой Людмила Евгеньевна и сообщает, что он немедленно требует к себе в кабинет. Возвращаюсь, вхожу. Милейший завкафедрой доктор наук Ильинский Илья Степанович встречает меня почти ласково, усаживает. И высказывает, с видом глубокой озабоченности, как раз то, о чем я написал в первых строках своих записок. Добавляет полупшепотом, картинно обернувшись по сторонам: «Счастьем будет, если никто из участников нынешнего благородного собрания не настучит о вашем опрометчивом выступлении в партком, райком и другие инстанции. Если сверху давить не будут, я вас постараюсь прикрыть, вы мне глубоко симпатичны как человек и будущий ученый. И я не сомневаюсь,

что перед вами – большое будущее, если только оно из-за вашего глупейшего поведения не оборвется на самом первом такте».

И вот теперь глубокой ночью сижу я (чего греха таить) на кухне нашей с мамой кооперативной квартиры и записываю, рыдая и обмакивая слезами, эти строки. И в самом деле: зачем я, дурак, вылезал?»

На следующий день последовала не менее интересная записка:

«4 сентября. Сегодня получил жестокий нагоняй от... (все та же замаранная впоследствии дама, оставшаяся неизвестной). Она заявила мне, что я: а) невожатанный дурак; б) остолоп; в) политически незрелый тип. И добавила: если моя выходка будет иметь последствия и меня действительно погонят (а ведь могут!) из аспирантуры и исключат из славных рядов ВЛКСМ, то она немедленно со мной расстанется и свою дальнейшую судьбу со столь аморальным прохиндеем связывать не станет. «Я не декабристка, – с пафосом проговорила она, – и за тобой ни в какую Сибирь на стройки народного хозяйства не поеду!» Но тут мне показалось, что она пугает, потому что, кажется, любит и, наверное, в беде не бросит – а может, наоборот, возлюбит еще крепче. Короче говоря, я поцеловал ее, а потом мы пошли в кинотеатр «Победа» на новый фильм «Золотой теленок» (по Ильфу-Петрову), который, честно говоря, показался мне совсем не смешным – может, из-за положения, в котором я по собственной

милости оказался.

5 сентября. Ситуация вокруг моего «выпада» развивается явно в сторону ухудшения. Сегодня встретил Мочков (комсомольский секретарь), отвел в сторонку покурить и, не глядя на меня, произнес, что ему дали команду (кто – он не ответил, несмотря на мой прямой вопрос) готовить кафедральное комсомольское собрание по моему «персональному делу» с «решительным осуждением». «Я бы на твоём месте, – сказал он – подготовил покаянную речь». – «А что мне будет?» – напрямую спросил я. Но он начал юлить, дескать, все зависит от того, как проголосуют комсомольцы – как будто решений по «персоналкам» не готовят и не принимают заранее. Но, может, пока ещё ничего не решено? Я смогу отделаться, скажем, строгим выговорешником. Хотя... Говорят, тех семерых, кто вышел на Красную площадь протестовать против ввода войск, посадят. Но я же, с другой стороны, ни на какую площадь не выходил?»

Варя посмотрела в Интернете, что отец имеет в виду. История была ей в общих чертах известна: 25 августа 1968 года семь человек – Богораз, Делоне, Бабицкий, Литвинов и другие развернули близ Лобного места плакаты с осуждением вторжения СССР в Чехословакию. Через несколько минут их избили и задержали. Впоследствии двоих посадили в спецпсихбольницу, а остальным дали два-три года лишения свободы или отправили в ссылку.

Понятно, почему выходка отца получила резонанс.

«6 сентября. История с моей «вылазкой» на собрании имела удивительное развитие. Сегодня в коридоре института, когда я шел в столовую после разговоров с моим научным руководителем (и завкафедрой) Ильинским – о том, что я натворил, он ни слова больше не говорил, только о моей будущей диссертации, что само по себе внушало осторожный, но оптимизм... Так вот, иду я по коридору – навстречу какой-то мужик. Лет сорока, в галстучке, в костюмчике, незнакомый. Улыбается: «Можно с вами потолковать?» У меня все упало. Ну, думаю, кранты. Арестовывать пришли. Хотя... поодиночке, наверное, не приходят? «А вы кто?» – спрашиваю. Отвечает: «А я ваш будущий работодатель. Возможный». Я – ему: «Я вообще-то в аспирантуре учусь и уходить из нее не собираюсь». А он, с иезуитской такой улыбочкой: «Может, вас отсюда попросят?» Я промолчал, хотя интересно стало, откуда он про то, что у нас на кафедре творится, прознал. Короче, сели мы с ним на подоконник на «сачкодроме», он достал из кармана пиджачка сигареты «Кэмел», угостил меня и рассказал: так, мол, и так, «являюсь руководителем закрытого почтового ящика, который, как он выразился, «работает по нашей тематике». Он лично познакомился с моими трудами, впечатлился и предлагает, чтобы я перешел в его научный институт. «Что за институт?» – спрашиваю. «Его открытое наименование, – говорит, – Институт прикладных психологических проблем. А закрытое (он понизил голос) – Институт ментального программирова-

ния. Мы, – говорит, – занимаемся тем, что на службу Родине стараемся поставить...».

Тут две строки в папином тексте оказались тщательно замазаны его рукой – поэтому, что там хотел поставить на службу Родине незнакомец, Варя увидеть так и не сумела. Стала дальше читать.

«...Главный противник, – продолжил мой собеседник, – ведет исследования в данном направлении. К примеру, проводились опыты: один из контактеров, находясь на борту подводной лодки «Поларис» в трех тысячах миль, мысленно передавал информацию реципиенту, который пребывал на военной базе в Небраске, причем в бронированной капсуле. Полного успеха и уверенного приема добиться испытуемым не удалось, но угадывать последовательность из двух карт реципиенту удавалось с вероятностью выше одной второй, что было бы, если «приемник» не умел принять сигналы «индуктора».

Или, привел другой пример мужик, под воздействием наркотического вещества (он сказал название, но я забыл какое, аббревиатура из трех букв) удавалось заставлять испытуемых – а в их качестве выступали американские морские пехотинцы – совершать вещи, которые были совершенно для них неприемлемы в обыденной жизни, например насиловать женщин или наносить самим себе серьезные увечья.

Нам, сказал незнакомец, то есть Советскому Союзу, сле-

дует достойно ответить на вызовы, с которыми выступает американская военщина (он так и выразился, как в газете). Поэтому под эгидой Министерства обороны создан соответствующий институт, в который он меня, как одного из перспективных молодых товарищей, приглашает работать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.